попасть в переплёт!

Переплёт

журнал о детской литературе

№5/2015

Классика с удовольствием!
Хотя бы без отвращения...
стр. 8

Мальчик со шпагой и люди с пером
Об итогах Международной детской литературной премии В.П. Крапивина - 2015
стр. 15

Писатель и пустота:
недетские книги Джона Грина
стр. 22

Пингвины-геи и зайцы-педофилы:
гендерный зоопарк детской литературы
стр. 26

В переплёт попали:
Наталья Савушкина
Екатерина Асонова
Дарья Доцук
Елена Фельдман
Анна Ремез
Евгения Пастернак

Художник номера:
Ольга Ионайтис

От редакции

Этот номер мы выпускаем после годового перерыва. За это время поменялось многое в деталях, но мало что в основаниях. Литературная жизнь идет своим чередом, премии (среди которых хочется выделить Книгуру, премию имени Владислава Крапивина и «Новую детскую книгу») наконец начали выполнять свою функцию «механизма запуска» для новых авторов. Теперь к перспективным рукописям издательства начинают присматриваться уже на этапе шорт-листа, а к моменту объявления финалистов, некоторые авторы уже заключают договоры с издателями.

Все так же, и даже более ожесточенно, ведутся баталии о роли, месте и задачах литературы в школе. Воспитывать нравственность и «прошивать» культурный код или говорить с детьми на понятном им языке и не бояться перекраивать «канон» – вот вопрос, который обсуждается давно, но сегодня обрел новую остроту.

Этот номер мы выпускаем без темы, просто как мгновенный снимок текущей действительности. Как и всякий снимок, он претендует на объективность, но на самом деле отражает лишь одну, выбранную точку зрения. Если кому покажется, что мы о чем-то забыли или недосказали – что ж, мы увидели происходящее именно таким образом. Художником этого и следующего номера стала Ольга Ионайтис, интервью с которой будет размещено в шестом номере.

Следующий номер будет посвящен нашей современной детской книге за рубежом: переводы, контакты, успешные примеры продвижения авторов и иллюстраторов, успехи и проблемы русскоязычной детской литературы, ее сильные и слабые стороны – в глазах человека чужой культуры. И он последует скоро.

Хорошего вам чтения!

P.S.

Редакция благодарит Екатерину Асонову и Московский городской педагогический университет (МГПУ) за помощь в создании этого номера, а также всех, кто участвовал.

Над номером работали:

Главный редактор:
Алексей Олейников

Корректура:
Екатерина Олейникова

Редакционный совет:
Алексей Олейников
Дарья Вильке
Елена Фельдман
Наталья Савушкина

Связи с общественностью, web:
Алексей Олейников

Авторы:
Анна Ремез
Евгения Пастернак
Елена Борода
Дарья Доцук
Ольга Варшавер
Серафима Орлова
Наталья Волкова
Елена Фельдман
Валерий Воскобойников
Аделия Амраева
Екатерина Асонова
Елена Соковенина
Наталья Савушкина
Алексей Олейников
Ирина Лисова
Тамара Михеева

Вёрстка:
Дарья Кардановская

Мнения авторов материалов могут отличаться от мнения редакции и прочих авторов. Все претензии по материалам — к авторам.

О чем вы пишете?

Ирина Лисова

– Работаю над повестью в жанре стимпанк. Пока рабочее название «Боги не погибают» – такая альтернативная история Первой мировой войны, летчики, самолеты, дирижабли и приключения. Много пара и механизмов. Работаю над повестью давно, консультируюсь у эксперта по викторианской эпохе. Не смотря на то, что это фантастика, хочется, чтобы в основе было что-то настоящее.

Ая Эн

– Летом мы начали писать роман-ответвление от основной серии «Мутангелы», он называется «Спасите Ивори, спасите Ивори Тийер», и сейчас наводим на него последний глянец (и одновременно выкладываем в мою группу вконтакте https://vk.com/club5480195). Хоть это и последний глянец, наводить его очень сложно, поскольку соавторов много, и всем в последний момент приходят в голову новые идеи, которые немедленно хочется реализовать!)) Между тем неотвратимо приближается дедлайн по сдаче 4-го тома «Мутангелов», и я считаю дни до отпуска, когда смогу уехать из Москвы и погрузиться в любимые мутангельские миры с головой, а не урывками. Надеюсь, у меня будут фантастические зимние каникулы!

Мария Басова

– Я написала сказку для дошкольников «Городошка», а знакомые дети рисуют к ней иллюстрации. Не знаю, что из этого получится, но хотелось бы сделать книгу с рисунками детей. Надеюсь, какое-нибудь издательство заинтересуется этим проектом.

В номере

4 Наше всё?

8 Классика с удовольствием! Хотя бы без отвращения...

13 Мальчик со шпагой и люди с пером

15 Остров Крапивинка

19 Юлия Яковлева. «Дети ворона», Самокат, 2015

20 Писатель и пустота: недетские книги Джона Грина

23 Про новые стихи

24 Пингвины-геи и зайцы-педофилы:
гендерный зоопарк детской литературы

33 Баллада о грузовике и его прицепе

37 Хочу домой

38 О чем могут сказать ТОП-листы,
или Что читают самостоятельные люди?

42 Про Камо

45 Дашевская Нина. Вилли. КомпасГид, 2015

46 Чему учат в Школе детской книги

49 Марина Бородицкая Майкина книжка
Клевер Медиа Групп, 2015

52 КНИГУРУ: обзор шорт-листа. Часть первая

55 Рудашевский Е. Здравствуй, брат мой Бзоу! КомпасГид, 2015

Подготовила Анна Ремез

Наше всё?

В этом номере «Переплёта» мы впервые затрагиваем очень больную для нашей страны тему: изучение литературы в школе. Тем самым, скорее всего, приоткрываем ящик Пандоры. Ещё недавно само робкое шевеление в мозгу вопроса: «А надо ли?» по отношению к классикам казалось преступлением против культуры. Прийти к единому мнению по этому вопросу, наверное, не представляется возможным. Поэтому мы просто начинаем дискуссию, приглашая читателя к размышлению, пробуем понять, следует ли кого-то «сбросить с парохода современности», а кого-то, наоборот, взять на борт. О месте классики в школьной программе рассуждают два педагога разных поколений из ЧОУ «Школа семьи Шостаковичей».

Ирина Николаевна Ужнина, *учитель русского языка и литературы, педагогический стаж 35 лет.*

Вопрос – нужна ли классика в школе – только на первый взгляд кажется очень простым. Можно ответить однозначно: «Да, конечно, классическая литература в школе необходима». Но когда начинаешь аргументировать это положение, на ум приходят только банальности и слова тех же классиков, например Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». И это долгое время действительно было правильно. Да, классическая литература учить размышлять, задумываться о смысле жизни, ставить перед собой благородные цели, учит состраданию, учит сопоставлять прошлое с современностью и т.д. Убрать изучение классики – абсурдно, это всё равно, что разорвать пуповину, которая связывает нас с прошлым. Но воспитать личность в прямом смысле слова литература не может, если бы всё было так просто: прочитал произведение и стал высоконравственным человеком. Это невозможно.

Вспоминая свою долгую работу в школе я понимаю, что программа практически не изменилась, тогда как общество изменилось очень сильно. В перестроечные годы из программы ушли разные идеологические произведения, нам открыли поэзию Серебряного века, «потаённую» литературу, и в те годы среди учащихся старших классов был огромный интерес к литературе, это было какое-то счастье для учителя. Учителя старались связать то, что появилось, связать с классикой 19 века, увидеть в этих книгах продолжение традиций. Сейчас, работая в средней школе, я ловлю себя на мысли, что там нужно преподавать не классиков, а детскую литературу. Я не понимаю, откуда в программе 6 класса глубоко пессимистическое, философское последнее стихотворение Державина: «Река времён в своём стремленьи уносит все дела людей». На мой взгляд литература в средней школе должна соответствовать возрасту, но этих книг, даже того же «Чучела» Железникова в программе нет, и детскую литературу можно затрагивать только как внеклассное чтение. Я бы начинала знакомство с Ломоносовым, с Державиным, да и вообще с этим корпусом текстов не ранее 9 класса. Абсолютно мимо ребят проходит в средней школе «Ревизор» Гоголя, от них это очень далеко. Тридцать лет назад оно воспринималось лучше, дети понимали, о чем идёт речь, а сейчас, хотя все те же проблемы у нас сохранились, дети очень далеки от образов чиновников, и, может быть, это и к лучшему. Проблемы взяточничества и чинопочитания

не волнуют ребёнка в седьмом, в восьмом классах. Старшеклассник уже начинает видеть реалии общественной жизни, ему проще понять Гоголя. Некрасов, Салтыков-Щедрин – это те авторы, которые ничего не скажут современному ребёнку, несмотря на то, что я очень ценю Некрасова, как мастера слова. Социальная тематика вообще детям не близка. Позволю себе сказать, что упомянутых авторов можно было бы перенести в курс российской истории, как дополнительную литературу о крепостном праве. Кроме того, у Пушкина уже всё есть на эту тему, и этого вполне достаточно.

Екатерина Петровна Ганчаурина, *учитель русского языка и литературы ЧОУ «Школа семьи Шостаковичей», педагогический стаж 4 года.*

Проснулась в четыре утра – кто-то выбил стекло и залез в магазин напротив. Пока фотографировали убегавших с табуреткой придурков, звонили в полицию, ловили перепуганную кошку – уже половина пятого. Засыпаю в отвратительнейшем настроении, в мыслях о том, что все меньше радости и смысла в моей работе, кругом – тщета и так далее. Вспоминаю вопрос о классике в школе. Обычная школьная программа по литературе из классики целиком и состоит. Текст в сокращённом или полном изложении плюс игры в её анализ. «Охарактеризуйте главного героя». «Как вы понимаете финал данного произведения». Да, систематизация, да, попытка направить в понятное русло разговоры о прочитанном, но – мертвечина и уныние. Потому что пятикласснику образца 2015 года непонятна половина слов у Гоголя и совершенно не близки переживания героя «Васюткина озера». Читателя и текст разделяет значительная временная и мировоззренческая дистанция, преодолеть её под силу не каждому. При этом есть множество более понятных и близких произведений современной литературы, могу привести в пример такие книги, как «Голова профессора Доуэля» Беляева, «Дневник Анны Франк», «Беда» Шмидта, «Мохнатый ребёнок» Марины Аромштам, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких,

Информация к размышлению

- В финских школах нет предмета «литература». Тем не менее финны считаются очень читающей нацией. По статистике финн старше 25 лет посещает библиотеку в среднем 13 раз в год.
- В немецких школах дети не учат стихи наизусть, это считается покушением на свободу личности.
- В Великобритании в средней школе дети изучают 6-7 текстов в течение учебного года.

«Девочка с Земли» Булычёва. С их помощью можно подготовить (а можно и не подготовить, конечно) человека к чтению классики. Я отдаю значительную часть уроков в 7 классе внеклассному чтению с тем, чтобы классики не замучивались неумелыми попытками интерпретации, не забалтывались готовыми ответами, чтобы не было формальных, бессмысленных выпускных сочинений «Мне понравилось, потому что это интересно, это важная тема, которая будет актуальна всегда». В прошлом году я прочла их штук триста, воспоминания свежи и безрадостны. Совсем отказываться от классики в школе, разумеется, не стоит. Опыт знакомства со сложными мыслительными и синтаксическими конструкциями – незаменим. Если хоть один человек в классе перерос жанровую литературу, и массовая тоже начинает казаться ему слишком предсказуемой – классика будет прочитана всерьёз.

P.S.

Анна Ремез, *детский писатель, библиотекарь ЧОУ «Школа семьи Шостаковичей».*

Сейчас учитель обязан обеспечить школьникам «дифференцированное обучение и индивидуальный подход». Есть понимание того, что некоторым детям совершенно не пригодятся в жизни алгебра и тригонометрия, это очевидно. Но как же трудно признать, что некоторым детям не нужна классическая литература. Русская культура по своей сути литературоцентрична, и всякая попытка сказать, что нравственность может быть отделена от литературы, воспринимается обществом очень болезненно. С другой стороны, совсем не изучать классику невозможно, ведь именно литература формирует единое поле культуры, менталитет жителей страны, в который входит способность задавать «проклятые вопросы». Но при этом современная детская литература, которая поднимает те же вопросы, также учит состраданию, даёт примеры и образцы поведения на понятном и близком современному ребёнку уровне, по-прежнему остаётся за рамками школьной программы.

Текст: Евгения Пастернак,
детский писатель

Классика с удовольствием!
Хотя бы без отвращения...

Переход из начальной школы в среднюю заметен не только потому, что учителей становится больше и пятиклассники начинают носиться по кабинетам. Переход в среднюю школу очень хорошо виден в программе по литературе. В начальной школе в основном читают тексты, адекватные возрасту. Для читающего ребенка программа работает с отставанием, как правило, он давно прочитал все рекомендованные книжки дома. Страшно не это. Страшно то, что в пятом классе на ребенка внезапно вываливают всю мудрость классической литературы.

— Мам, мне непонятно! — ноет среднестатистический пятиклассник.

— Что там может быть непонятно? — возмущаемся мы. — Это же Чехов! Там все просто!

После долгих (или недолгих) препирательств и заверений, что «я в твои годы» и «отупели вы совсем со своими компьютерами» мы берем в руки томик Чехова и начинаем читать.

«Землемер Глеб Гаврилович Смирнов приехал на станцию «Гнилушки». До усадьбы, куда он был вызван для межевания, оставалось еще проехать на лошадях верст тридцать—сорок. (Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати верст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберется.)

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти здесь почтовых лошадей? — обратился землемер к станционному жандарму.»

Кто все эти люди? Землемер? Станционный жандарм? Межевание — это что? Тридцать верст — это много или мало? Что такое почтовые лошади? Где их ищут?

Хорошо если у вас впереди свободный вечер, а под рукой верный Гугл. Тогда вам с ребенком обеспечен насыщенный и интересный разговор.

Вы думаете «Пересолил» это неудачный рассказ?

Тогда открываем «Мальчики».

«Вся семья Королевых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие розвальни, и от тройки белых лошадей шел густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык. Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на висках были покрыты инеем…»

Что такое розвальни? Что такое башлык и куда его надевают? Зачем калоши зимой?! И, кстати, когда вы в последний раз видели калоши?

Наверняка есть дети, которые могут не залипать на незнакомых словах и читать сюжет, но лично мне не повезло. Я читала вслух, дочка гуглила непонятные слова, причем чаще всего — сразу в картинках.

Армяк. Кушак. Шорник. Дышло. Целковый…

Разобрались со словами?

Тогда поднимаем второй пласт — непонимание ситуации. Откуда при-

ехал Володя в рассказе «Мальчики»? Почему он учится в другом городе? Что такое «людская», и что за «люди» там живут? Ну и вечный вопрос всех времен: зачем Герасим утопил Муму?

— Почему он не ушел с ней? — кричит ребенок, размазывая слезы.

— Ну, понимаешь, крепостное право… — вяло бормочу я.

— Ну и что? Взял бы и ушел!

— Но крепостное право…

— Ну и что!!! Взял бы и ушел!!!

В целом, я даже рада, что сейчас, в двадцать первом веке, ребенок не может осознать, что такое крепостное право.

И я бы посоветовала ей отложить книгу, которая ей не интересна, которую она не понимает, отложить, чтобы вернуться к ней лет через десять, а то и тридцать.

Ведь не писал Тургенев для одиннадцатилетних детей. И Чехов не писал. И Астафьев.

Из классиков, включенных в школьную программу в пятом классе, только Лев Толстой писал для детей. «Кавказский пленник» написан для «Азбуки». В 1872 году. Этот текст в школьной программе 143 года. Сто сорок три!

Когда-то это был актуальнейший рассказ, события, происходящие в нем, были живы, о них знали и говорили. Я завидую тогдашним школьникам, они читали о том, что им близко и интересно.

И, я повторюсь, отложить бы книгу, которую пока не понимаешь, да нельзя. Все, все поголовно пятиклассники именно сейчас, вот прям этой зимой, обязаны прочитать «Муму», проникнуться и восхититься.

Как нормальные дети, они отлынивают. Как отлынивали и мы (помните, пересказывали содержание «Войны и мира» друг другу на перемене?). Нынешние не пересказывают, они сразу лезут в интернет. Полюбопытствуйте, почитайте отзывы на сайтах с кратким содержанием вещей из школьной программы. Иногда пробирает до слез.

«Спасибо! Я прочитал рассказ, ничего не понял. Прочитал тут, хоть понял, что случилось!»

И это отзыв на «Коня с розовой гривой» — простой и понятный (казалось бы!) рассказ. Но я понимаю этот крик души. Когда половина слов непонятна, когда само повествование непривычного ритма, тогда за деревьями не видно леса, то есть за буквами не видно смысла.

Они путаются в словах, цепляются за неясные ситуации и вязнут намертво.

Что делать?

Пообщавшись с множеством родителей и учителей, могу с уверенностью сказать, что выход только один — читать вместе. Читать вслух.

И вот тут могу дать несколько советов.

1. Будьте готовы отвечать на вопросы. Отвечать и не раздражаться, какими бы глупыми они вам ни казались. Даже если создается впечатление, что ваш ребенок не знает очевидного, что вы в его возрасте знали в сто раз больше, что не знать слов «пава» и «скипидар» невозможно — отвечайте. Я вас уверяю, дойдя до фразы «на всякий случай послал форейтора к хожалому» вы тоже задумайтесь.

2. Будьте готовы, что гениальный текст ребенка не зацепит. Не комментируйте. Никак. Ваш пятиклассник не бездушный. Просто описанная проблема — это не его проблема.

3. Помните, что если ваш ребенок не проникнется в 11 лет Тургеневым, это никак не скажется на его судьбе. Вообще никак. Так что если совсем не идет — откладывайте.

4. Ваш ребенок скорее вернется к классике, если сейчас вы разрешите ее не читать. Будете настаивать и впихивать насильно — отвращение будет дольше и сильнее.

Ну и еще, расскажу про темы, которые всплывут неизбежно. И если у вас есть возможность обговорить их заранее, то это сильно упростит восприятие текстов.

1. Быт помещиков. То, что это была абсолютно самодостаточная система. Никаких магазинов. Заготовки не баловство, а способ выжить. Зачем штат прислуги, что делали хозяева. Кто такие крепостные (Тургенев) и когда они стали вольными (Чехов).

Хорошо бы съездить на экскурсию в любой помещичий дом-музей.

2. Одежда. Армяки, зипуны и прочее и прочее. Валенки, платки. Смешные вопросы типа: почему дома нужно носить сюртук?

3. Тоска и скука. Гости — событие. Из связи только письма.

Очень интересный разговор получается про ритм жизни. Насколько у нас выше поток информации, насколько мы более коммуникабельны, насколько больше знаем о внешнем мире. С другой стороны, насколько меньше мы знаем о мире «ближнем». Как пекут и квасят. Откуда берется масло и как заарканить жеребца. Об этом знал любой ребенок девятнадцатого века и почти не знают дети двадцать первого.

4. Лошади как средство передвижения. Все эти пристяжные, коренные, как запрягать, сбруя — куча незнакомых слов. Тройки, выезды, тарантайки…

Хорошо бы съездить на конюшню и посмотреть на упряжь. Слова выучить уже невозможно, но можно хоть начать понимать, о чем речь.

За это лето я перечитала школьную программу пятого класса. Я очень рада, что сделала это, потому что неожиданно для себя получила массу удовольствия.

Я бы в жизни не взялась перечитывать «Муму», а тут оказалось, что книга-то прекрасная. Она совсем не детская и вообще не «про собачку». И «Кавказский пленник» очень красив, и у Астафьева завораживающий язык.

Я не уверена, что смогла передать мое удивление и восхищение дочке, но мы с ней замечательно провели время, обсуждая то, что прочитали.

В конце концов, ни один литературный герой не пострадал.

А она, если не полюбила классику, то уж точно не возненавидела.

Что уже немало.

Мальчик со шпагой и люди с пером: об итогах Международной детской литературной премии В.П. Крапивина - 2015

В 2015 году лауреатами Международной детской литературной премии В.П. Крапивина стали Аделия Амраева (повесть «Я хочу жить») и Мария Федотова («Шалунья Нулгынэт»). Первая – повесть о том, как огромный, взрослый и жестокий мир ломает ребенка, посылая ему нечеловеческие испытания и наказывая за ошибки с жестокостью, тоже нечеловеческой. Вторая – о том же вхождении в большой мир, но вхождении теплом, радостном и гармоничном. Девочке из тундры повезло больше, чем героям Аделии Амраевой. Но так оно и бывает в жизни. Ситуации взросления очень разные. Поэтому и книг для детей и подростков не бывает много.

Елена Борода,
член литсовета Международной детской литературной премии В.П. Крапивина

То, что победителями Крапивинки-2015 стали именно эти две повести, на самом деле очень симптоматично. Они сигналят о том, что не все безнадежно, но не все и так радужно. В щемящей и пронзительной повести «Я хочу жить» свинцовая безнадежность мира отступает перед искренней дружбой, перед мальчиком Иво, готовым снова и снова жертвовать собственным покоем и вечностью ради спасения чьей-то жизни. А в «Шалунье» радостное и каждодневное открытие мира порой сопряжено с моментами отнюдь не радостными и даже трагичными: смерть олененка, гибель кормилицы-важенки, голодные дни.

Книга должна быть воспитателем души. Под этим девизом работает Крапивинская премия. Тот редкий случай, когда нет места лишнему пафосу, когда не нужно бояться ни слова «должна», ни слова «воспитатель». Да, книги воспитывают. Так, как это делают лучшие друзья, которые всегда, или почти всегда рядом, которые помогают, предостерегают, ошибаются вместе с тобой. Сколько бы ни говорили о свободе художника от обязательств, в память впечатываются почему-то именно те книги, которые делают тебя человеком.

Текст может быть умным и содержательным, динамичным и глубоким, социальным и злободневным, стилистически совершенным и изящно оформленным. Для юного читателя все это – не скажу, что неважно, но – второстепенно. Юный читатель рассчитывает встретить друга, единомышленника, свое альтер-эго.

Поэтому те авторы, кто как-то продвинулся к финалу, вошел в короткий и длинный списки, вправе рассчитывать на предельно откровенный разговор с читателем. Это книги, с которыми хочется сидеть в обнимку, потому что под обложкой – живые люди, которым сочувствуешь, за которых боишься и радуешься.

В финале премии В.П. Крапивина 2015 года оказались очень разные тексты. Но в каждом из них присутствуют герои, которые учатся жить. У них не всегда получается, но ведь это сложная наука.

К примеру, повесть Дарьи Доцук «Домик над обрывом». Автор удивительно тонко рисует мир, созданный детским воображением, так что за ним

проступают тени реального мира, смутные и тревожные. И когда в финале маленькая героиня называет по имени одну из таких теней, произносит вслух слова о смерти отца, происходит удивительная вещь. Мы понимаем, что создание сказочной реальности – это не страх и не самозащита, а наоборот, выражение безграничного доверия, так сказать, приглашение в сказку. Ребенок возвращает нам здравый взгляд на вещи: можно бояться великанов и ведьм, которые являют собой воплощенное зло, но не стоит закрываться от мира, прятаться от реальности. В этом смысле девочка оказывается куда более отважной и взрослой, чем ее мама.

Герои романа Ирины Богатыревой «Ганин» заняты поиском истины. В этом своем поиске они серьезны и искренни. Тем больнее для них оказывается встреча с осознанной, циничной и всеобъемлющей ложью. Их недавний кумир оказывается заурядным демагогом, у которого не просто слова расходятся с делом, но жизненная философия мимикрирует в соответствии с обстоятельствами. Но это оказывается неважным в сравнении с категориями жизни и смерти, с которыми героям приходится столкнуться. И тут не поможет никакая школа жизни, кроме своей собственной.

В фантастической повести Ксении Беленковой «Тун с планеты Грунт» (лонг-лист премии) автор беседует с читателями о том, как непросто (но возможно!) изменить годами устоявшуюся парадигму мышления, не дать миру сломить себя только потому, что ты другой. Разговор получается искренний и слегка ироничный.

В нынешнем сезоне Крапивинки настойчиво звучит тема самоопределения. Она, на мой взгляд, вписывается в общую концепцию премии, тяготеющей к доверительному диалогу с читателем и

поиску жизнеспособных героев. Что легче и что лучше: переделать мир под себя или найти свое место в нем, не теряя индивидуальности?

Вот в романе Алексея Олейникова «Тульпа» (авторское название, вышла в издательстве АСТ под названием «Левая рука Бога»), это тоже лонг-лист, произведении с очень основательной фантастической платформой, при всем разнообразии затронутых проблем главный вопрос все-таки вертится возле человека. Растущего, взрослеющего, входящего в силу человека. Не геополитика занимает автора, не запрет на использование психоформ, не аллюзии на современную действительность, не социальные прогнозы, а отношения человека с государством. Иллюзия семейственности, отеческих отношений, которая без труда поддерживается в мирное время, рассыпается прахом, когда в конфликт вступают личные и общественные интересы. Для государства человек исчисляется арифметически, одна жертва – ничто по сравнению с тысячей возможных. Но для отдельно взятой личности, которая сама по себе микрокосм, такое исчисление ущербно.

Тексты лауреатов и тексты, прозвучавшие в сезоне Крапивинской премии 2015 года, действительно очень разные. Повесть-фантазия (Д. Доцук), сказки (М. Агапова «Путь тропоброда», А. Долгих «Кнышики»), реалистический роман (И. Богатырева), фантастические повести (А. Амраева, К. Беленкова, А. Крестьева «Мутангелы уровня Пи»), антиутопия (А. Олейников), повесть-воспоминание (П. Столповский «Как я предал Тарзана»), повести в рассказах (Н. Дашевская «Около музыки», М. Федотова «Шалунья Нулгынэт»), психологическая повесть (С. Варфоломеева «Машка как символ веры»), повести о животных (П. Верещагин «Рыжий по кличке Рэд»).

Однако все эти книги действительно из тех, что способны воспитывать.

Фото: Дарья Доцук

Остров Крапивинка

Мы сидим в кафе за длинным столом и не можем наговориться — о книжках, об издательствах, о планах на будущее. «Хочу переехать в тепло, к морю» — делится мечтой Тамара Михеева. Рядом Аделия Амраева принимает по телефону поздравления от Владислава Петровича Крапивина, недомогание не позволило ему присутствовать на церемонии. Аделия шепчет в трубку «спасибо», и в ее глазах поблескивают слезы, совсем как пару часов назад,в зале Свердловской детской библиотеки, где ей вручали медаль лауреата.

Дарья Доцук,
писатель и журналист

Мария Прокопьевна, названная в детстве Нулгынэт, что означает «рожденная во время кочевки», рассказывает удивительные истории про свою жизнь на севере и оленеводов, и немного играет на варгане. На другом конце стола – Светлана Лаврова, Ая Эн, Ольга Колпакова, Михаил Логинов. Кажется, уже обсуждают следующую Крапивинку. Мы пишем друг другу пожелания в буклете премии и не замечаем, что там, за окном, то ли дождь, то ли снег. Нам все равно – это один из самых теплых дней в нашей жизни. Отгремел барабанный марш мальчишек из отряда «Каравелла», дипломы получены, не мелькают больше вспышки фотоаппаратов, но ощущение такое, что все только начинается.

Это моя первая, но долгожданная Крапивинка. В 2013 году, когда я только начинала серьезно писать, подала на конкурс сборник рассказов и не прошла, в следующем, 2014 году, отправила повесть и обнаружила ее в длинном списке, а в этом году увидела свой «Домик над обрывом» в числе финалистов и получила приглашение приехать в Екатеринбург.

Для меня премия Крапивина – это маяк, остров, до которого обязательно нужно доплыть. И вот, когда я до него добралась, оказалось, что меня ждали, за меня болели. «Твоя повесть стала для меня главным открытием! – сказала на круглом столе Тамара Михеева. – Какой ты сделала рывок! Что же будет дальше?». Это и есть самое ценное – знать, что ты на своем месте, движешься в верном направлении, и есть люди, которые поддержат тебя на этом пути.

А еще радостно встретить таких же, как ты, путешественников, которые тоже доплыли, и в первые же часы стали твоими друзьями, каждый со своим особенным, живым текстом.

«В этом году есть произведения всех жанров – от мемуаров до фантастики, – сообщил **Михаил Логинов**. – Критиковать было очень трудно, а хвалить – очень приятно. Сегодня должны быть довольны все – и лауреаты, и дипломанты, потому что премия в этом году очень сильная».

«Рыжий по кличке Рэд» – дебют Павла Верещагина в детской литературе, до этого он писал только взрослые книги, но сразу же завоевал любовь и детского и взрослого жюри. «Ну какие хорошие собаки!» – воскликнула Светлана Лаврова. Литературный совет согласился: ни одной фальшивой ноты, никакого переигрывания, и для каждой истории автор находит простой, добрый выход. Именно «Рэд» получил специальный приз отряда «Каравелла», а две недели спустя стало известно, что повесть выйдет в издательстве «Аквилегия-М».

Алена Долгих тоже дебютант, полюбившаяся всем сказка **«Кнышики. Кузля и Фуфырла»** – ее первый литературный опыт. Алена – веселая рыжеволосая девушка, которая живет на Кипре, и члены жюри сразу заметили, что она очень похожа на своих героев. Кнышики живут в домиках на больших деревьях, и главная цель их жизни – написать свою книгу. Среди безусловных достоинств повести Тамара Михеева назвала выверенный мир, нравственные уроки и обаяние. «Здесь ребенку есть что додумать и во что поиграть». Повесть стала обладателем специального приза Объединен-

ного музея писателей Урала. Алена Долгих учится в магистратуре ВГИКа и работает над сценарием мультфильма по «Кнышикам».

Среди финалистов есть еще одна сказочная повесть – **«Пусть тропоброда»** Марии Агаповой, волшебная история о путешествии и поиске своего предназначения. Мария признается: «Это очень личная для меня вещь, потому что я и есть этот тропоброд».

«Мы так увлеклись книгами для подростков, что у нас выпал возраст 7–11, а про детей этого возраста нельзя забывать, – заметилаТамара Михеева. – Все премии, которые сейчас существуют – и Книгуру, и "Михалковка", – рассматривают только тексты для подростков. Мы все стонем, что подростки не читают. Но ведь в том возрасте, когда они начинали читать самостоятельно, в литературе была большая яма, только советская классика. Вряд ли кто-то сможет назвать 5 современных авторов, которые много пишут для младшего школьного возраста. А это нужно всячески стимулировать».

В коротком списке есть и номинанты издательства «Росмэн» – лауреат прошлого года Нина Дашевская с книгой рассказов **«Около музыки»** и Светлана Варфоломеева с повестью **«Машка как символ веры».** Книги очень разные, но обе вышли в новой многообещающей серии «Настоящее время». Чистую, светлую прозу Нины Дашевской Ая Эн однажды очень точно сравнила с «чередой фонтанчиков». Члены жюри также высоко оценили книгу, а Екатеринбургский Дом Учителя назвал Нину Дашевскую своим лауреатом.

На круглом столе много говорили о повести «Машка как символ веры», которая никого не оставила равнодушным. Это первая книга детского онколога Светланы Варфоломеевой. «Даже в детской онкологии, среди боли и слез, есть место счастью, любви, доброте и вере. Без веры бороться с детским раком очень трудно, даже невозможно» – подчеркивает автор.

Марина Ивашина и Светлана Лаврова назвали своим абсолютным фаворитом фантастический роман **«Мутангелы»**, также номинированный издательством Росмэн. «Ая Эн подготовила нам ящик Пандоры, – сказала Марина Ивашина. – Это важная, глобальная книга, она об основах. И столько вопросов, о которых хочется говорить! Вот, например, должны ли быть положительные герои в книге для подростков или нет?»

Роман Аи Эн завоевал приз Муниципального объединения библиотек города Екатеринбурга.

«Я доживу эту жизнь, а потом туда» – пообещала, кивнув на «Мутангелов», Светлана Лаврова.

Жюри отметило, что в этом году в коротком списке много серьезных, глубоко личных текстов на

трудные темы. Среди них книга воспоминаний о послевоенном детстве Петра Столповского **«Как я предал Тарзана»**. Честный, и, по словам Светланы Лавровой, «брутальный» роман для старших подростков **«Ганин»** Ирины Богатыревой, непростая история взросления и первой любви. Автор называет подростковый возраст «болезненным рубежом, перешагнув который, становишься совершенно иным». «Ганин» стал обладателем приза Общественной общероссийской организации «Детские и молодёжные социальные инициативы».

Достоинством **«Домика над обрывом»**члены жюри назвали психологическую точность переживаний ребенка, в семье которого произошла трагедия. «По одному образованию я психолог, и я буквально ходила вместе с этой девочкой, видела, какую защиту она выстраивает, – рассказала Татьяна Корниенко. – Но поймут ли эту тонкость ребята? Очень хотелось бы, потому что для меня это было просто величайшее произведение».

Одна из главных тем повести Аделии Амраевой **«Я хочу жить»**, награжденной медалью лауреата, – подростковый суицид. Это объёмная, глубокая повесть, но, несмотря на все трудности, с которыми сталкиваются герои, жизнерадостная. «Многие подростки оказываются у этой черты, – заметила Светлана Лаврова. – Потом они в ужасе отпрянут, но если чувствуешь, что твой знакомый подходит к черте, нужно дать ему эту книгу».

Впервые лауреатом премии им. Крапивина стал переводной текст. С якутского языка повесть Марии Федотовой **«Шалунья Нулгынэт»** перевела Ариадна Борисова, писатель и финалист премии 2010 года. Рассказы про Нулгынэт открывают новую номинацию премии «Малая Родина – Большая Россия» (за лучший перевод на русский язык с языков народов России).

«Я влюбилась в этот мир. Как просто, чисто, хорошо и светло написано! Этой магии покоряешься с первых строчек», – поделилась впечатлениями о повести Светлана Лаврова и добавила, что нашла для себя многое, чему стоит поучиться у Марии Прокопьевны.

Елена Ленковская заключила: «Премия прекрасно справляется со своей главной задачей – быть катализатором литературного процесса. В нынешнем виде премия существует 6 лет и за это время сделала гигантский скачок. С каждым годом прогрессирует количество изданных произведений финалистов, на них обращают внимание ведущие издательства подростковой литературы. А ведь когда премия только начиналась, все кричали, что дети не читают, а подростковую литературу никто не издает».

Для издателей диплом премии Крапивина действительно служит ориентиром. С 2010 по 2014 год дипломами премии было отмечено 49 произведений, 37 из них, то есть 75%, существуют в виде книг. Особенно успешными стали сезоны последних двух лет – все вышедшие в финал рукописи были изданы или вот-вот выйдут из печати.

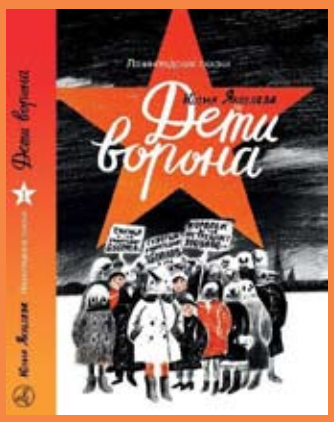
Среди издательств за тот же период лидером по количеству «крапивинцев» стал «КомпасГид» (9 текстов). На втором месте «Аквилегия-М» – 6. Также книги-финалисты есть в издательствах «Клевер» и «Самокат» (по три), «АСТ», «Детгиз», «Азбука», «Время» (по два), «Росмэн», «Китони», «Речь», «Розовый жираф», «Генри Пушель», «Никея», «Октопус» и «Нарния» (по одному).

В этом году литературный совет премии выбрал 11 текстов, 3 из них уже были опубликованы в издательстве Росмэн. Посмотрим, как скоро найдут издателя оставшиеся рукописи. Но учитывая статистику прошлых сезонов, за них, я думаю, можно не волноваться.

На следующий день были выступления в школах и экскурсия в три удивительных музея. В музее писателя Федора Михайловича Решетникова мы уютно пили чай с пряниками и даже хотели остаться там, у печи, навсегда. Но тогда бы мы не увидели привезенные со всего мира куклы в Музее игрушек и уж точно не попали бы в виртуальную реальность и не совершили путешествие по литературному Уралу на космическом корабле Музея литературной жизни Урала XX века.

Возле Дома учителя мы прощались – нам с Аей Эн надо было спешить в аэропорт. Прощались, как старые знакомые, крепко обнимая друг друга, давая советы, искренне желая, чтобы рукописи очень скоро превратились в книги, потому что здесь, на «Крапивинке», каждая из них стала самостоятельным существом.

Странно расставаться, не верится, что пора покидать ставший родным остров под названием «Крапивинка». Самолет поднимается в облака, земля исчезает из вида, но ты не прощаешься, во всяком случае, не по-настоящему, ты надеешься однажды причалить к острову вновь.



Юлия Яковлева «Дети ворона», Самокат, 2015

Я не критик и даже не специалист по детской литературе, хотя занимаюсь ею всю жизнь. Я, прежде всего, читатель. Когда мое сердце отзывается на чужой текст, я становлюсь переводчиком. Сегодня ночью я прочитала книгу Юлии Яковлевой «Дети ворона», и теперь меня обуревают две мысли. Первая – смешная: ах как жаль, что книга написана не по-английски, я бы ее тут же перевела. Вторая: какое счастье, что такая книга наконец появилась здесь, в России, на русском языке.

Для нечитавших объясню, что «Дети ворона» – первая часть пенталогии «Ленинградские сказки». Место действия, естественно, Ленинград, а время – 1938 год. Дальше последуют, как можно легко догадаться, времена блокады, эвакуации… Да-да, мы знаем факты, хронологию. А дети? А внуки-правнуки? Теперь даже маститые историки не отрицают, что ГУЛАГ унес не меньше жизней, чем Холокост и Великая Отечественная, но как донести до детей не сухие цифры, а рассказы про исковерканные человеческие судьбы? Ведь только они вызывают отклик, только через них, через правдивую частную историю родственника или соседа, приходишь к осознанию масштабов беды, которая постигла Россию в середине XX века. Да и точно ли взрослые люди в нашей нераскаявшейся стране хорошо знают свою историю? Точно ли хотят ее знать?

Многократно усложняется задача автора, когда он поднимает такую тему с детьми. Юлия Яковлева положила в основу рассказа свой семейный сюжет, посвятила книгу дедушке и его сестрам. Но это не документальная проза. Это образное, плотное, насыщенное деталями художественное повествование, которое – как ему и положено – увлекает читателя любого возраста. В последние годы принято маркировать книги сообразно возрасту персонажей. Здесь главному герою семь лет. Соответственно, в издательской аннотации написано «для младшего и среднего школьного». Я бы все-таки предложила 10+. Не потому, что более младшим детям не осилить книгу, а потому что нам, взрослым, будет непросто отвечать на их вопросы. А отвечать надо, по-честному, без умолчаний и поддавков. Эта книга – прекрасный повод для глубокого разговора. И поверьте, те взрослые, которые к разговору не готовы, сейчас начнут нас уверять, что книга страшная и вовсе не детская.

Это не так. Автор ведет с читателем разговор на равных, при этом в тексте много юмора, много выдумки. Вкус детства – как и вкус ранней морозно-влажной питерской весны – в первой части ощущается почти физически. Дети непременно это почувствуют и оценят. И доверчиво уцепятся за протянутую автором руку, пойдут с ним дальше. А дальше… Да, будет тяжело. Потому что семилетний мальчик Шурка, такой непуганый и домашний, за несколько месяцев становится совершенно взрослым. И сама фактура текста «взрослеет» вместе с ним, густеет, насыщается уже не реалиями быта, а реалиями фантасмагорического сна, в котором страна пребывала несколько десятилетий, не желая знать, что происходит за стеной, в твоей же коммуналке. Поэтому все, кого коснулся своим крылом черный ворон, оказываются невидимыми для окружающих: сквозь них идут пешеходы, едут трамваи и грузовики, они теперь не в Ленинграде, а в Не-Ленинграде, в перевернутом наизнанку мире. По счастью, сами они видят друг друга, помогают друг другу и рано или поздно понимают, что исчезновение их близких – не набор отдельных ошибок, а системный молох, который забирает родителей, чтобы… получить детей – непомнящих, не рассуждающих, не сопротивляющихся. И враз повзрослевший Шурка одерживает над этой системой маленькую победу: вызволяет младшего брата из Дома, куда свозят всех детей, чьих родителей забрал Ворон. Еще немного, и малыш тоже бы лишился лица… А еще детям помогают говорящие птицы и даже крысы…

Вам страшно? Ну, во всяком случае, неуютно, да?

Знаете, я мысленно делю все детские книги «на леденцы на палочке», «здоровую пищу» и «прививки». Вспомните – мы же делаем своим чадам прививки? Мы понимаем, что маленькая инъекция в детстве – способ уберечь детей от серьезных болезней на всю оставшуюся жизнь? Ну, вот это такая книга, нешуточная, важная.

Ольга Варшавер

Текст: Серафима Орлова

Писатель и пустота: недетские книги Джона Грина

«У меня никак не получалась сцена похорон. Я переписывал её раз двадцать, а она всё не получалась. Но однажды я смертельно рассорился с дорогим мне человеком и поднялся к себе, наверх, и во мне было много ярости и рыданий, и я написал эту проклятую сцену в один присест».

Итак, перед нами Джон Грин, по книгам которого в последнее время активно снимают кино – непритязательное и по большей части для женского сегмента подростковой аудитории.

Джон Грин, которого удобно и желательно прятать под маской лёгкого и непритязательного автора для девочек, иначе как же его продавать?

Джон Грин, один из ярчайших последователей Джоан Роулинг, автор, нашедший себя не в волшебном фентези, конечно – но в подростковой литературе. В young adult, если точнее.

Young adult – литература взросления. Даже «возмужания». К ней неприменимы воспитательные лекала, попытки что-то смягчить, отделить пушистых и добрых от плохих и злых.

Young adult – одно из огромных окон, в которое врывается взрослый мир и смешивается с миром ребёнка. И именно в это окно стоит смотреть, не закрывая глаз. Потому что такая литература – это попытка разговора на равных.

Первый роман Джон Грин писал дольше всего – около пяти лет. Он вообще долгопишущий автор. Когда поклонники спросили его в видеоблоге, скоро ли новая книга, Джон просто вцепился в волосы с обескураженным видом: «I'm trying!»*.

Попыток не так много, и почти все они переведены на русский язык. Вряд ли мы можем ждать в ближайшее время перевода «Will Grayson, Will Grayson», ибо там могут усмотреть пропаганду того, чего у нас пропагандировать нельзя. Вряд ли мы увидим небольшую новеллу из сборника «Let it snow». Но основной корпус текстов уже есть на русском языке. И хотя Джона Грина стремятся спрятать под слащавую обложку, мы отлично знаем, что там внутри.

Страсть. Смерть. Отчаянное желание повернуть свою судьбу, хотя она несётся на всех парах к пропасти.

В ПОИСКАХ АЛЯСКИ

Это первая и, на мой пристрастный взгляд, лучшая книга Джона Грина. Всё-таки пять лет мучений даром не проходят. Она вышла, острая и живая, дерзкая – её сразу стали запрещать в некоторых штатах из-за сексуальных сцен, сильная – сразу закричали, что новый Селинджер явился. Грин получил за неё престижную премию Printz. И... сразу после неё попытался написать новую книгу, но она не была так хороша. После «Аляски» нужно было отходить долго. Грин так и не отошёл совсем.

И позже он возвращался к похожим сюжетам. Видимо, сильнейшими впечатлениями в его жизни оказались потери. Не раз у Грина мы можем видеть похожую фабулу: главный герой встречает человека, яркого и прекрасного во всех отношениях, и уже получает надежду на любовь, но неожиданно теряет этого человека. Кажется, что навсегда теряет. И только подсказки и намёки, тонкие штришки обрисовывают путь, по которому можно пойти, чтобы попытаться вернуть утраченное.

Да, Грин лучше всего пишет о том, что вот-вот было – но не сбылось. История «невстреч» начинается с «В поисках Аляски». Тютя и рохля, прилежный ученик и сын хороших родителей приезжает учиться в колледж, вступает в свободную разгульную жизнь, полную приколов, куража над преподавателями, вредных привычек и первых волнующих контактов с противоположным полом. И в этом колледже он встречает девочку – буквально фею какую-то, по его шестнадцатилетним меркам. Фею, живущую в комнате, где полно непрочитанных книг – она собирает их на будущее. Фею, по

* «Я пытаюсь!»

которой сохнет весь колледж. Фею, независимую, сексуальную и при этом умную. В общем, идеал, и ничего даже страшного, что у идеала есть парень.

Кажется, счастье уже очень близко, но всё разрушается при жутких, трагических обстоятельствах, и вина за них грозит лечь на главного героя. Потерянное уже не вернуть. Но ему остались какие-то крохи сведений, по которым он восстанавливает ход событий. В конце пути станет ясно, виновен он или заслуживает прощения.

От человека остаётся так мало, так исчезающе мало. Маргаритка, нацарапанная на стене под телефоном, да асфальт, засыпанный битым стеклом.

И вопрос, который бесстрашно ставится Джоном Грином – тот самый, от которого взрослая аудитория хотела бы уберечь подростков как можно дольше. «Как нам выбраться из лабиринта страданий?» – спрашивают на контрольной. – «Быстро и по прямой», – отвечает Аляска Янг, девочка, чья жизнь не длиннее небрежной заметки на полях.

Но тот, кто любит её, не желает этого пугающе быстрого выхода.

В этом лекарство Джона Грина, в этом спасение. Это и есть та самая рука, что останавливает перед пропастью, ловец во ржи. Выхода не видно, но смысл в том, чтобы искать выход.

БУМАЖНЫЕ ГОРОДА

– Пустые книги о пустых людях, – сказал мне хороший человек о произведениях Джона Грина.

А я соглашусь, да. «Бумажные города» – книга о пустоте.

О пустоте, которая расширяется внутри, как пузырёк воздуха, и не даёт тебе погрузиться в жизнь. Ты бултыхаешься на поверхности и мучительно желаешь иного, хотя у тебя есть всё.

На «Бумажные города» сняли размеренный, полный болтовни фильм с красивыми актёрами. Это тот самый случай, когда фильм совсем не лучше книги и даже иллюстрирует её не очень интересно.

Но, впрочем, книга тоже чуть-чуть слабее «Аляски». Возможно, потому, что вопрос не стоит так уж ребром? Возможно, потому, что нет натяжения между жизнью и смертью? А есть лишь игра, правда ставки высоки – возвращение любви. Игра, квест, детектив по поиску человека, который сбегает из привычной жизни, желая и не желая, чтоб его уернули.

«Прочь затворы с дверей! И самые двери долой с косяков!» – эта строчка Уолта Уитмена может стать заветом для всей книги, и для всех, кто похож на Марго.

Если у тебя всё есть, но ты чувствуешь себя пустым, не бойся что-то менять. В мире очень много людей, погружённых по макушку в жизненное море. Они уже утонули и никогда не захотят что-то

изменить. А ты можешь. Ты хочешь. Пусть тебя считают легковесным, слишком лёгким, легкомысленным, даже пустым – это разные стадии увеличения размера воздушного пузырька внутри тебя.

В конце концов он станет размером с твоё тело, ты поднимешься в воздух и полетишь в бумажный город. И никогда больше не вернёшься. Разве не здорово – никогда не вернуться?

ВИНОВАТЫ ЗВЁЗДЫ

Эта книга считается лучшей у Джона Грина, она стала бестселлером по версии журнала «Нью-Йорк Таймс», с неё начались экранизации романов писателя. Можно подумать, что она – стандартная «слезодавилка» о больных раком. На самом деле книга написана по реальным воспоминаниям Джона Грина, который, кроме всего прочего, имеет образование религиоведа и после окончания учёбы полгода работал в хосписе, собираясь стать епископальным священником.

Джон Грин дружил с шестнадцатилетней Эстер Эрл, которая погибла от рака, и утверждает, что именно Эстер повлияла на его решение всё-таки написать книгу. Видимо, потому история и получилась настолько яркой: Джон Грин – писатель, которому лучше всего удаётся писать о потерях, о неразрешимых проблемах и выводах, с которыми никогда не смиришься.

Как может быть наполненной и яркой жизнь того, кому отпущен очень малый срок? Как может жить полной жизнью тот, кто никогда уже не будет полноценно участвовать в жизни общества? Дети, играющие среди гигантских костей скелета, и тележка с кислородным баллоном, которую поднимают по ступенькам для того, чтоб девушка, больная раком, смогла увидеть музей Анны Франк. Эти образы – самые яркие, врезающиеся в память. Жизнь ускользает у нас между пальцев. В этом её свойство. Чувствовать это так пронзительно и дать почувствовать нам – вот что может Джон Грин.

И он может не попасть «в десятку» для вас, но его слова бьют в цель для миллионов людей.

И сотни подписчиков ежедневно пишут в социальных сетях: «I love your books!»

А чем он вообще занимается, если так медленно пишет книги? Он ведёт видеоблог и множество образовательных проектов. Создаёт вокруг своей деятельности огромное и деятельное сообщество фанатов, которое за два дня способно собрать полмиллиона долларов. Зачем? На воду в Эфиопии, вот так. Или на помощь малоимущим семьям.

Его считают одной из ста самых влиятельных персон земного шара. Его пост может стать так называемым «толчком Джона Грина», когда то, что он говорит, будут обсуждать все, во всех концах земли.

И всё это – сила литературы. Литературы, не больше.

Про новые стихи

К сожалению, стихи малоизвестных авторов (в отличие от прозы) издательства до сих пор боятся широко публиковать. Боятся, что они не будут востребованы, потому что читатель, конечно, интуитивно тянется к книге с известной ему фамилией, боясь нарваться на некачественную поэзию. Однако конкурс «Новой детской книги» как раз и призван отсеивать зерна от плевел и выискивать качественные произведения. В разные годы призерами конкурса становились уже такие состоявшиеся авторы, как: Римма Алдонина, Галина Дядина, Анастасия Орлова, Дина Бурачевская, Алексей Ерошин, Юлия Симбирская и другие. Но, к сожалению, отдельных поэтических сборников этих авторов «Росмэн» пока не выпустил, хотя, в одной из недавних передач на телеканале «Культура» прозвучало обещание директора издательства Бориса Кузнецова выпустить подборку призера этого года, Юлии Симбирской, отдельной книгой. Что же, ловим его на слове и очень надеемся. Но пока этого не случилось, можно порадоваться совместному сборнику, объединившему под одной обложкой поэтов – призеров или поэтов, чьи стихи были высоко оценены жюри.

Сборник называется «Пегас в крапинку», и действительно, он очень пестрый и разнообразный. Мне кажется, это хорошо, что составители показали нам некий срез современной поэзии для детей: здесь представлены и игровые стихи, и лирика, и целые стихотворные сказки. Такая, на первый взгляд, сборная солянка как раз дает представление о том, как сейчас много разных, отличающихся друг от друга голосов у детской поэзии. Энергичные стихи Дины Бурачевской с яркими неожиданными концовками всегда выстреливают и будоражат, попадая в точку, а нежные лиричные стихи Юли Симбирской затрагивают что-то очень глубокое внутри души. В стихах Риммы Алдониной живет вечный удивляющийся и ищущий справедливости ребенок, а у Алексея Ерошина – озорной путешественник. Ритмичные, чеканные стихи Насти Орловой сменяются в сборнике игровыми сюжетными историями Галины Дядиной. Как бы для знакомства в сборнике представлены стихи Анастасии Цимбаловой и Андрея Богдарина, Нины Саранчи, Марины Зарубиной, Ольги Ухалиной. Объединяют всю эту пестроту и приводят к одному знаменателю иллюстрации Надежды Бугославской. Хотелось бы в конце пожелать, чтобы подобных сборников было больше, ведь они как нельзя лучше подходят для первого знакомства с современными детскими поэтами. Но и в то же время хочется выразить надежду, что издательство «Росмэн» выпустит стихи призеров конкурса и отдельными полноценными сборниками.

Наталья Волкова

Пингвины-геи и зайцы-педофилы: гендерный зоопарк детской литературы

Елена Фельдман,
поэт, прозаик, переводчик

Процентное соотношение героев-мальчиков и героев-девочек; преимущественно пассивная роль женских персонажей; гендерные стереотипы, сопутствующие изображению девочек, девушек и женщин в детской литературе, — все эти вопросы неоднократно попадали в фокус внимания психологов и литературоведов.* Однако их исследования касались в основном антропоморфных персонажей с чётко выраженными гендерными признаками. Зооморфные герои книжек-картинок «для самых маленьких» — усатые и хвостатые, благопристойно одетые в штанишки и курточки или довольствующиеся собственным мехом — по умолчанию кажутся «бесполыми» и беспроблемными. Почему же именно они раз за разом оказываются в эпицентре самых сокрушительных скандалов? Попробуем разобраться.

Как именно ты меня любишь?

В 2005 году в издательстве ОГИ была выпущена – а в 2015-м переиздана «Розовым жирафом» – книжка-картинка **Сэма Макбратни «Знаешь, как я тебя люблю?»**. Читателям сразу же пришлись по сердцу нежные акварельные иллюстрации и незатейливый сюжет: большой заяц и зайчонок играючи выясняют, кто кого больше любит.

– Знаешь, как я тебя люблю?

– Конечно, нет, малыш, откуда мне знать?

– Я люблю тебя – вот так! – и зайчонок раскинул лапы широко-широко.

Но у большого зайца лапы длиннее.

– А я тебя – вот так.

«Ух, как широко», – подумал зайчонок…

Разумеется, большой заяц выигрывает состязание: когда зайчонок гордо заявляет, что любит его до самой луны (ведь что может быть дальше и грандиознее?), тот укладывает малыша в кроватку из листьев, а затем шепчет ему, уже спящему, на ухо: «И я тебя люблю до самой луны. До самой-самой луны… и обратно».

Судя по количеству дополнительных тиражей и восторженных рецензий, читатели вполне разделили мнение издателя, указавшего в аннотации, что это книжка «для детей и их родителей, внуков и внучек, бабушек и дедушек, для влюблённых юных и не очень – для всех, кто любит, любил или хочет любить».

Однако нашлись и те, кому отношения большого зайца и зайчонка показались подозрительными. Вот весьма наглядный отзыв Оксаны Ноговицыной, оставленный на сайте магазина «Лабиринт» и, несмотря на объём, достойный быть процитированным полностью:

Начинается книга словами: «Настало время спать, и маленький зайчонок крепко ухватил большого зайца за длинные уши», – тут я ещё не до конца поняла весь ужас происходящего, надежда теплилась... Но нет, так нам и не открыли страшную тайну, а кем же всё-таки

* См., например: Hamilton C. M., Anderson D., Broaddus M., Young K. Gender Stereotyping and Under-representation of Female Characters in 200 Popular Children's Picture Books: A Twenty-first Century Update. — Springer Science, 2006.

приходится этот большой заяц маленькому! Он не папа, не дядя, не брат и не дед, что было бы вполне понятно для таких нежных проявлений – он просто БОЛЬШОЙ, и вот этот НЕКТО большой и маленький объясняются друг другу во взаимной любви, причём близость их и психическая и физическая очевидны. В конце этот большой уложил малыша в постель и сам улёгся рядом, целуя и продолжая нашёптывать слова любви... С какой стати взрослый самец целует маленького детёныша?! (…)

Кстати сказать, на наших прилавках есть ещё такой ужас, автор Деби Глиори: «Что бы ни случилось». Самое интересное, что в ней история чуть ли не один в один, только там «Большой» с большой буквы – видимо, это его имя, но как такой «нюанс» объяснить трёхлетнему ребёнку? А мамы всё так же нет...

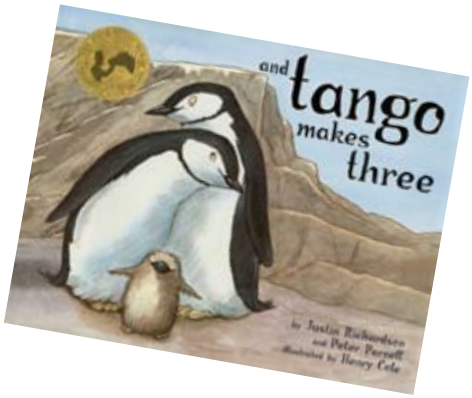
«Ужасная» книга знаменитой шотландской писательницы, художницы и мамы пятерых детей **Деби Глиори** (Поляндрия, 2012) действительно напоминает сюжетом Макбратни. Маленький Лисёнок капризничает, боится из-за этого потерять любовь Большого лиса и – вполне в соответствии с детской психологией – начинает капризничать ещё сильнее. Однако Большой лис раз за разом терпеливо отвечает: «Я буду любить тебя, что бы ни случилось», пока страхи Лисёнка не рассеиваются, и он, как зайчонок из книги Макбратни, мирно не засыпает в своей кроватке.

Ни у Макбратни, ни у Глиори старшие персонажи не конкретизированы. Брат это, папа, дедушка или какой-то «взрослый самец» – предоставляется решать читателю. Однако оба главных героя явно мужского пола, на что недвусмысленно указывают иллюстрации, родовые окончания глаголов в русском переводе и местоимения «he», «his» в английском подлиннике (в случае с Макбратни). Да и читатели, пересказывая сюжет, то и дело неуверенно отмечают, что это книги о «папиной любви»…

Где же мама?

Что помешало авторам сделать Зайца – Зайчихой, а Большого лиса – Лисой?

И что сказала бы Оксана Новицына, узнав, что есть книги, в которых мамы не только нет, но и не может быть по определению?



Чему могут научить пингвины-геи?

Рою и Сайло, двум пингвинам из Нью-Йоркского зоопарка, очень повезло, что они родились не в России. Страшно подумать, как отреагировало бы законодательное собрание Санкт-Петербурга, узнав, что двое самцов не только не обращают внимания на самок, как заповедано им природой, но и посмели образовать однополую пару!

В действительности, гомосексуальность у животных – распространённый и давно известный механизм сохранения популяции. В частности, одна пара пингвинов может позаботиться только об одном яйце, но случается так, что самки откладывают два и больше. В этом случае «лишние» яйца оказываются выброшенными на снег и замерзают – если, конечно, их вовремя не «усыновляют» бездетные гомосексуальные семьи.

Такие же поведенческие схемы сохраняются и в неволе. Обычно подобные истории не выходят за пределы местных новостных лент, однако Рою и Сайло повезло – в кавычках или нет, судить трудно.

В 2005 году американское литературное сообщество буквально взорвала детская книжка-картинка **Джастина Ричардсона и Питера Парнелла «Теперь нас трое»** (*And Tango Makes Three*, Simon & Schuster), в которой авторы с документальной точностью изложили историю гомосексуальных пингвинов. Движимые родительским инстинктом, Рой и Сайло два месяца пытались высиживать круглый камень, пока смотритель вольера мистер Грэмзи не сжалился над незадачливыми родителями и не подложил им в гнездо настоящее яйцо, брошенное другой – разнополой, но несколько безответственной парой:

…Они уже знали, что делать. Рой и Сайло подвинули яйцо в середину гнезда. Каждый день они поворачивали его, чтобы оно нагревалось со всех сторон. Когда Сайло уходил искать еду, яйцо высиживал Рой. А потом Сайло занимал его место.

Они грели яйцо утром и вечером. Они грели его вместо завтрака, вместо ужина и даже

когда остальные пингвины уходили плавать. Они грели его в понедельник, в воскресенье и все дни между понедельником и воскресеньем…

Пока однажды утром не услышали странный звук.

– Пип! Пип! Пип, пип! – раздалось из яйца.

– Сквок, сквок! – позвали Рой и Сайло.

– Пип, пип! – ответили им.

Неожиданно в скорлупе появилась крохотная трещинка. А потом…

КРРРАК!

На свет появилась их дочка! У неё были пушистые белые пёрышки и смешной чёрный клюв.

– Назовём её Танго, – решил мистер Грэмзи. – Потому что для танго нужны двое.

Полная нежности история, проиллюстрированная акварелями Генри Коула, в первые же два года получила семь престижных литературных наград, включая детскую премию Американской библиотечной ассоциации. Парадоксально, но с 2006 по 2010 годы она также возглавляла перечень «самых критикуемых изданий» Ассоциации – то есть таких, на которые чаще всего жаловались читатели, – обойдя в этом списке даже «еретического» Филиппа Пулмана, Джерома Сэлинджера и Харпер Ли.

В интервью «Нью-Йорк Таймс» Джастин Ричардсон иронично заметил, что в книге «содержится не больше аргу-

ментов в пользу гомосексуального поведения, чем призывов глотать рыбу целиком или спать на камнях». Однако это мало успокоило американских родителей, испугавшихся, что после её прочтения дети решат, будто быть геем – хорошо, и начнут подражать главным героям.

Как доказывает вот уже десятилетняя история «Теперь нас трое», юные читатели действительно принимаются подражать Рою, Сайло и Танго: «переговариваются» писком, имитируют походку Чарли Чаплина и отказываются вылезать из дворовых бассейнов. Если не считать возросших квитанций за воду, моральный ущерб терпят только их родители, которые автоматически переносят на детей свою модель мышления, забывая, что те воспринимают мир совсем иначе. В частности – отождествляют себя не с большими пингвинами, а с *пингвинёнком*, и видят в истории не однополую семью, а *свою собственную*, каков бы ни был её состав.

При внимательном прочтении «Теперь нас трое» обнаруживаются ещё более интересные вещи. Так, о гомосексуальности Роя и Сайло сообщается подчёркнуто буднично, почти мимоходом:

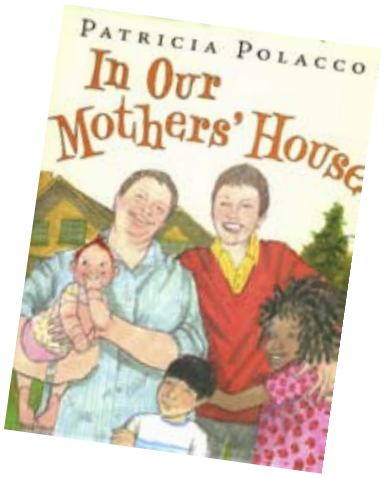
Они не играли с девочками-пингвинами, и девочки тоже не обращали на них внимания. Вместо этого Рой и Сайло обнимались шеями, как это принято у пингвинов. Мистер Грэмзи, смотритель зоопарка, заметил их и подумал: «Наверное, они влюблены».

На протяжении всей книги авторы ни одобряют, ни порицают гомосексуальное поведение своих героев. Отношения Роя и Сайло подаются как факт, важный для понимания сюжета, но не более того. При этом «родительская» половина книги выписана с удивительной эмоциональностью и полна субъективных оценок. Читателю последовательно рассказывают, как страдали Рой и Сайло, глядя на других, «семейных» пингвинов; как напрасно обустраивали гнездо и высиживали холодный камень; как, наконец, были счастливы, заполучив собственного птенца, которого можно обнимать, кормить рыбой и петь ему песенки!

Разумеется, «Теперь нас трое» – как и любое хорошее художественное произведение – содержит в себе пропаганду. Однако пропаганду не гомосексуальности, как решили некоторые родители, а патриархальных ценностей, по традиционности своей приближающихся к Домострою. Если сформулировать главный посыл книги, то он заключается не в том, что быть геем – хорошо, а в том, что это естественно и правильно – хотеть ребёнка и трепетно заботиться о нём.

Интересно, что «Теперь нас трое» вызвала бурю возмущения со стороны религиозных организаций – но не «чайлдфри», по чьей идеологии пингвины-геи и наносят самый чувствительный удар. В то время как феминистские организации уже второй век ведут борьбу за то, чтобы вывести женщину из замкнутого круга «Kinder, Küche, Kirche», книга Ричардсона и Парнелла фактически заявляет: главная цель семьи – в произведении и воспитании потомства. Пара без детей неполноценна. Весь твой карьерный рост, прекрасно обустроенный дом и дорогой автомобиль ничего не стоят, пока ты не родил ребёнка, а лучше – двух или трёх.

С этой точки зрения становится понятна беспрецедентная – и на первый взгляд



нелогичная – популярность «Теперь нас трое» среди гетеросексуальных читателей: книгу издают и переиздают вот уже десять лет, а недавно она вызвала новую волну интереса благодаря озвучке знаменитого актёра Нила Патрика Харриса. Секрет пингвинов-геев в том, что они идеально отражают американские семейные ценности и демографическую политику: «Завёл пару? Отлично, рожай ребёнка. Не можешь родить? Усынови *и всё равно воспитай достойного гражданина*!»

В мае 2014 года, выступая с традиционным поздравлением в честь Дня отца, Барак Обама не забыл в своей речи и о папах-геях: «Отцы – учителя и наставники, друзья и образцы для подражания. Они прививают такие ценности, как упорный труд и честность, учат детей брать ответственность за себя

самих и окружающих их людей. И это – задача любых отцов, которые выполняют свою роль. Неважно, кто они: состоящие в браке или одиночки, геи или гетеросексуалы, биологические родители или приёмные…»

Казалось бы логичным, если бы в пару к истории Роя и Сайло появилась «симметричная» книга об однополой женской семье, которая с такой же заботой и любовью воспитывает своих детей. Однако книжка-картинка **«В доме наших мам»** известной детской писательницы **Патриции Полакко** (*In Our Mothers' House*, 2009) не пользуется и десятой частью популярности «Теперь нас трое».

Из-за неудачных иллюстраций? Сюжета?

Или по какой-то другой причине?

Мальчики лучше девочек?

В книге «Игры, в которые играют люди» психолог Эрик Берн выделяет три основных состояния человека: Ребёнок, Родитель, Взрослый. При трансакциях – актах общения с окружающими – мы подсознательно выбираем одну из этих ролей, поэтому возможно говорить, что общаются не А и Б, а их Взрослый и Взрослый, или Взрослый и Ребёнок, и т.д.

Читатели, характеризующие «Что бы ни случилось» как книжку о «папиной любви», заблуждаются в том отношении, что Большой лис – как и Большой заяц – совершенно необязательно отец, а маленький Лисёнок, как и Зайчонок Макбратни, не сын и не внук. Деби Глиори не зря называет своих персонажей просто Big и Small, то есть, переводя на язык психологии, Родитель и Ребёнок.

Гениальность этой и подобных ей книг заключается в том, что они метафорично описывают любовь между *любыми* людьми, один из которых позиционирует себя в отношениях как старший, а другой – младший. При этом распределение ролей не зависит от реального пола и возраста участников – лишь от их восприятия собственного статуса в данных конкретных отношениях.

Как часто можно слышать фразу: «Для своих родителей мы всегда дети». Дети – а также *лисята* и *зайчата*. Книги Глиори и Макбратни переиздаются годами и десятилетиями именно в силу своей универсальности. Их дарят родители детям, бабушки внукам, братья сёстрам, молодые люди своим девушкам… Везде, где есть *Большой* и *Маленький*, где возможна психологическая модель Родителя и Ребёнка, они находят понимание и отклик.

Важно, что каждый человек совмещает в себе все три психологических состояния – и стремительно переходит из одного в другое в зависимости от того, с кем общается. Даря «Знаешь, как я тебя люблю?» своим пожилым родителям, мы автоматически становимся на позицию зайчонка, сколько бы лет ни было нам самим, – а через несколько часов читая ту же книгу с собственными детьми, примеряем роль уже большого зайца.

Такая гибкость в смещении точки видения возможна лишь благодаря безупречному выбору персонажей. Книга, претендующая на универсальность, должна повествовать об *универсальных* героях, отождествить себя с которыми сможет если и не любой читатель, то хотя бы подавляющее их большинство.

В монографии «Как работают книжки-картинки» исследователь Мария Николаева отмечает, что их «уникальный характер основывается на сочетании двух уровней передачи информации – визуальном и словесном. Используя терминологию семиотики, можно сказать, что книжки-картинки используют два отдельных набора знаков – изобразительный и традиционный»[1]. Ребёнок, ещё не умеющий читать (или пока не получающий от этого процесса должного удовольствия) воспринимает информацию через визуальный канал, а взрослый, читающий книгу ему вслух, подсознательно переключается на детский тип восприятия.

Какими же должны быть персонажи, чтобы проассоциировать себя с ними мог человек любого пола и возраста?

В первую очередь – «андрогинными», без ярко выраженных гендерных признаков, которые вынудили бы читателя однозначно трактовать их пол. Здесь на помощь автору приходят зооморфные герои – не мальчики, не девочки, а нечто среднее.

За пять лет до того, как Джастин Ричардсон и Питер Парнелл написали «Теперь нас трое», в Нидерландах появилась книжка-картинка сходного содержания – **«Король и король» Линды де Хаан** (*Koning & Koning*, 2000). В 2003 году её перевели на английский, но к 2009-му в США было продано всего 20 000 экземпляров – скромный по западным меркам тираж. На эту книгу религиоз-

[1] Nikolajeva M., Scotte C. How Picturebooks Work. – NY: Routledge, 2006. P. 1.

ные организации жаловались реже, хотя сюжет её был ещё более «кощунственным»: когда принцу Берти настала пора подыскать невесту, он перебрал минимум дюжину принцесс, но покорить его сердце смог только принц Ли.

Прохладная реакция на эту историю вполне объяснима: во всей книге нет ни одного персонажа, с которым мог бы отождествить себя читатель дошкольного возраста. Принцы Берти и Ли слишком взрослые, а их проблемы далеки от будничных переживаний ребёнка трёх-четырёх лет. Чётко заданный пол персонажей сужает целевую аудиторию ещё сильнее, фактически сводя её до мужских однополых пар, которые могут купить эти книги в качестве забавного сувенира – или в лучшем случае прочесть собственному ребёнку. Но много ли таких пар даже в толерантной Голландии и США? Скажем прямо – не очень.

Преимущество «Теперь нас трое» заключается в том, что она *достаточно условна*, чтобы дети разнополых родителей могли проассоциировать её со своей семьёй, но при этом *достаточно конкретна*, чтобы дети однополых пар безошибочно распознали в ней модель именно своей семьи – и благодаря этому получили положенную долю одобрения и поддержки. История о принцах не содержит ничего, кроме художественной констатации факта: да, бывают ещё и вот такие семьи, и они тоже заслуживают уважения. В книге Ричардсона и Парнелла эта мысль вписана в контекст более глобальной дискуссии об общечеловеческих ценностях. В отличие от скучных (и, честно говоря, не очень-то симпатичных) голландских принцев, умилительные пингвины говорят каждому читателю именно то, что он хочет услышать: родители с нетерпением ожидали твоего появления на свет; ты представляешь огромную ценность; *ты и твоя семья имеете право на существование* (как известно, для ребёнка самое страшное – отрицание).

В этом отношении антропоморфные персонажи играют против автора, автоматически ограничивая потенциальную аудиторию по полу («В доме наших мам»), возрасту («Король и король») или сразу и тому, и другому. Однако универсальный герой необязательно должен быть зооморфен: достаточно, чтобы он был разумен и обладал человеческими чувствами.

С этой точки зрения новая книжка-картинка **Анастасии Орловой «Это грузовик. А это прицеп»** (Росмэн, 2015) уверенно претендует на лавры Макбратни и Глиори. Незамысловатая история о Прицепе, который из-за собственных капризов повредил колесо и оказался на весь день заперт в гараже без старшего друга-Грузовика, незаметно перерастает в настоящую притчу о терпении, прощении и бесконечной любви Большого к Маленькому.

Любопытно, что Анастасия Орлова интуитивно следует принципам своих западных коллег: её Грузовик и Прицеп, как и большинство героев книжек-картинок, условно бесполы, однако грамматически и визуально относятся к мужскому роду. В старшем персонаже отчётливо угадывается образ матери – так почему бы не сделать его Машиной или Фурой? Разве повредило бы это сюжету?

Ёжик и Медвежонок Сергея Козлова – мальчики.

Ёжик и Кролик Пола Стюарта – мальчики.

Мышонок Харви, ежонок Вилли и кролик Ру из «Сказок

Лисьего леса» Брайана и Синтии Паттерсон – мальчики.

Волчонок Фель, ежонок Пыфф и лисёнок Макс из сказок Екатерины Колябиной – мальчики даже несмотря на то, что, по признанию самой писательницы, каждый герой имеет женский прототип.

Если зооморфные персонажи действуют преимущественно в контексте своей компании, а не полноценной семьи, которая неизбежно будет включать и маму, и бабушку, и сестёр (сказки Беатрикс Поттер, цикл «Ежевичная поляна» Джилл Барклем), они почти всегда образуют замкнутый «мужской мир». Девочки возникают в нём лишь спорадически, в качестве «приглашённых гостей», с которыми нужно как можно скорее провзаимодействовать (вытащить из речки, снять с дерева, доставить к маме), чтобы вновь оказаться в привычном мальчишеском обществе.

Совпадение? Или закономерность?

Женщина — друг человека?

Среди художественных приёмов, к которым прибегают авторы детских книг, приём ***гендерной генерализации*** относится к числу негласных. Одно его упоминание влечёт за собой слишком много неудобных вопросов, поскольку корни этого явления кроются не в литературе, а истории и социальной психологии.

Суть гендерной генерализации в том, что условно андрогинные персонажи, с которыми предлагается отождествить себя читателю любого пола, на самом деле должны относиться к мужскому роду – потому что именно он идентифицируется нами как *общий*, применимый и к мужчинам, и к женщинам. Прибегая к языку гендерной арифметики, мужской род можно обозначить как X, а женский – производный от него Y, который так или иначе определяется через X. В результате гендер всегда генерализуется от женского к мужскому, как от меньшего к большему, а само женское рассматривается как частный случай мужского, *общечеловеческого*.

Приключения зверушек-девочек изначально обречены на более узкую аудиторию, поскольку «женскость» чересчур конкретна и не может быть проигнорирована нашей психикой. Для малыша эти различия несущественны; он еще не воспринимает себя как мальчика или девочку и не видит разницы между полами, кроме как на примитивном биологическом уровне. Однако к тому времени, когда стихи-потешки сменяются историями с полноценным сюжетом, ребёнок начинает демонстрировать предпочтения, обусловленные именно гендером. Часть из них естественна, а часть является искусственно сконструированными установками, которые нет-нет да и переходят в стереотипы: «Куда ты лезешь, ты же девочка!», «Что ты плачешь, ты же мальчик!».

К трём-четырём годам юный читатель уже усваивает негласные правила игры, по которым мужские персонажи предназначены *для всех*, а женские – преимущественно для девочек. С этого момента начинается дальнейшее разделение на X и Y, общее и частное, глобальное и конкретное. Маленькой Танго, пингвинёнку из «Теперь нас трое», позволительно быть девочкой лишь потому, что она появляется на последних страницах книги и не делает для сюжета ничего существенного. Будь она чуть старше и сюжетно активнее, это уже помешало бы мальчикам с ней себя отождествить.

Подобный феномен (легче девочке вообразить себя мальчиком, чем мальчику – девочкой) проистекает из традиционного патриархатного мышления, которое по умолчанию определяет человека как мужчину. Витрувианский человек Леонардо да Винчи имеет мужской пол именно потому, что призван продемонстрировать идеальные пропорции *человеческого* тела, – а значит, должен быть максимально условен, как и зооморфные персонажи книжек-картинок.

Да Винчи создал свой знаменитый рисунок в 1490 году, но многое ли изменилось с тех пор? Как отмечает специалист по гендерным исследованиям Ольга Казакевич, «патриархатная идеология, исторически пронизывавшая все социальные институты, включая, например, медицину, вплоть до сегодняшнего дня заставляет современные медицинские учебники изображать мужское тело как стандарт, норму, отталкиваясь от которой, измеряются и оцениваются женские тела»[2].

Если движение за равные права можно сравнить с раскачиванием лодки, то изменение гендерного мышления скорее напоминает раскачивание круизного лайнера. Какой бы век ни стоял на дворе, мы так или иначе формируемся под влиянием культурных кодов, устойчиво закреплённых в менталитете, фольклоре и даже языке.

Так, в большинстве наречий понятия «человек» и «мужчина» обозначаются одним словом – достаточно вспомнить английское «man» или французское «homme». По всей видимости, эту тенденцию стоит рассматривать как общемировую. Бытует мнение, что такая омонимия – особенность исключительно романских языков, позаимствовавших из латыни многозначное «homo»; но как тогда объяснить, что «человек» и «мужчина» совпадают также в норвежском, исландском,

[2] Казакевич О. С. Женская телесность в телевизионном дискурсе: опыт деконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 4. Ч. 2. – С. 91.

корейском, таджикском, грузинском и многих других языках, которые никак нельзя заподозрить во влиянии латыни?

В старославянском и древнерусском значение «человек» выражалось более чем красноречивой лексемой МѪ(ОУ)ЖЬ. Как пишет Татьяна Степаненкова, весь русский фольклор последовательно создаёт «оппозицию человек-женщина: *я думал, идут двое, ан мужик с бабой; кобыла не лошадь, баба не человек; курица не птица, баба не человек*. Такое противопоставление становится понятным при обращении к христианскому вероучению о сотворении женщины. В паремиях закрепилось обыденное понимание того, что женщина, вышедшая из ребра Адама, *не может быть приравнена к мужчине и воспринимается как его часть*»[3] *(выделение моё. – Е. Ф.)*.

Людмила Борисова также подтверждает, что в традиционной русской культуре имеет место андроцентризм (преобладание мужской точки зрения, мужского взгляда на мир и место человека в нём) и оппозиция мужское – женское, характеризующаяся коннотациями хорошее (правильное, полезное) – плохое (неправильное, вредное). Поэтому, если женщина обладает качествами, которые традиционно приписываются мужчинам, это оценивается положительно, а если мужчине свойственны так называемые «женские» качества, это уже вызывает негативную оценку (сравните: «бой-девка», «мужественная женщина»; «что ты ведёшь себя, как баба»,

«распустил нюни, как девчонка»)[4].

Просвещённый Артур Шопенгауэр недалеко ушёл от русских крестьян, описывая женщину как «род *промежуточной ступени между ребёнком и мужчиной, который и есть собственно человек*». *А далеко ли мы ушли от* Шопенгауэра?

В 1997 году издатель посоветовал Дж. К. Роулинг выпускать книги о Гарри Потере, указывая вместо полного имени гендерно нейтральные инициалы. Как заметил Джон Скальци, президент Ассоциации американских писателей в жанрах научной фантастики и фэнтези: «Разве стал бы 12-летний мальчишка читать книгу автора Джоан Роулинг?»[5]

Восемь лет спустя Колледж королевы Марии провёл опрос среди ста критиков, писателей и преподавателей высших учебных заведений. Четверо из пяти мужчин сказали, что последний прочитанный ими роман написан мужчиной – хотя женщины читали книги, авторами которых в одинаковой степени являлись как мужчины, так и женщины.

«У нового автора не должно быть ничего такого, из-за чего читатель отложит книгу и скажет: «Это не для меня», – замечает Анна Соувордз, редактор издательства «Penguin». – Когда мы говорим, что книга должна привлечь читателей-мужчин, мы хотим, чтобы в ней буквально всё соответствовало этой цели – и обложка, и текст, и, конечно же, имя автора»[6].

В наши дни наивная мизогиния Шопенгауэра вызывает исключительно смех – однако законы рынка демонстрируют, что подсознательную оппозицию «человек-женщина» ещё рано отправлять на свалку. Полемика в защиту гендерного равенства оказывается резко забыта, когда наступает время голосовать собственным кошельком: если книга написана женщиной, это конечно, неплохо, но лучше бы, чтобы она была написана кем-то… *разумным*.

С этой точки зрения становится хорошо понятно стремление девушек, не обладающих никакими гендерными отклонениями, регистрироваться на интернет-ресурсах под мужскими псевдонимами или вести блоги от мужского лица. Особенно это характерно для подростков, которые только начинают искать пути самоопределения в большом мире и способы взаимодействия с ним. В возрасте, когда на вопрос «кто я?» ещё невозможно ответить гордым «я учитель» или «я мать семейства», самым первым – и психологически абсолютно логичным – ответом становится: *я человек*. Однако, чтобы быть в нашем обществе полноценным человеком, коллективное бессознательное требует быть *мужчиной*.

Нередко приходится слышать: «Почему ты говоришь о себе в мужском роде, ты же девушка? – Не знаю, мне так удобнее». Конечно, удобнее – поскольку для человеческой

[3] Степаненкова Т. В. Лингвокультурологический аспект паремиологического поля *женщина* в русском языке (на материале сборника пословиц русского народа В. И. Даля) // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2014. – № 1. С. 90.

[4] Борисова Л. В. Гендерный стереотип в языковом сознании этноса // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2014. – № 2. С. 10.

[5] Cohen S. Why Women Writers Still Take Men's Names // The Wall Street Journal. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323435904578159453918443978

[6] Там же.

психики естественно стремиться к уменьшению давления среды, которое в подростковом возрасте и без того сильно, а для девочек – сильнее вдвойне. Таким образом гибкое подсознание приспосабливается к агрессивным условиям: если мужчины в этой культуре пользуются большим уважением и испытывают меньшее давление – значит, необходимо стать мужчиной или хотя бы похожей на него.

Разумеется, это эскапизм и приспособленчество – точно такое же, как, опаздывая на работу, не бежать три километра с портфелем подмышкой, а воспользоваться проходящим мимо троллейбусом. В другом ракурсе это можно назвать рациональностью – вынужденной адаптивностью, которая временно защищает психику подростка, пока тот накапливает личный ресурс и ищет другие, более зрелые пути самоопределения: «я – студентка», «я – художница», «я – начинающая журналистка»… Хотя, судя по высказываниям Джона Скальци и Анны Соувордз, полноценными людьми этим девочкам всё равно не стать. Так стоит ли пытаться?

Где же мама?

Теперь мы можем с чистой совестью ответить на вопрос Оксаны Ноговицыной, интересующейся, когда в «зооморфных» книжках-картинках появятся мамы: тогда же, когда коллективное бессознательное перестанет рассматривать мужской пол как общий; когда писательское чутьё прекратит маркировать женский род как чересчур узкий и потому «неудобный»; когда любой мужчина сможет отождествить себя с женским персонажем, при этом не испытывая смущения и психологического дискомфорта. Проще говоря – не в этом веке.

Впрочем, нельзя отрицать и наличие позитивного вектора. Исследовав более миллиона электронных книг в базе Google Books, Джин Твендж, профессор психологии из университета Сан-Диего, обнаружила, что если в 1975 году на три употребления местоимения «он» приходилось всего одно местоимение «она», то в 2005 году это соотношение составляло уже 2:1, и разрыв продолжает постепенно сокращаться. Это свидетельствует не только об увеличении количества женских персонажей, но и о том, что сами они становятся сюжетно активнее и всё чаще выступают полноправными участниками действия.

«Я родилась в начале семидесятых, – рассказывает Твендж. – И помню, как в старших классах учительница советовала нам употреблять местоимение «он» как общее для мальчиков и девочек. В 1991 году, уже в колледже, я открыла учебник по введению в психологию и увидела, что вместо традиционного «он» автор в половине случаев использует мужские местоимения, а в половине – женские. Я была поражена»[7].

Курс на сближение гендеров задаётся и «сверху»: всё больше стран предоставляют декретный отпуск и матери, и отцу – более того, законодательно обязывают молодых пап провести определённое количество времени с ребёнком. Например, новорождённые дети в Швеции остаются на попечении отцов не менее двух месяцев. Этот странный на первый взгляд закон обладает одним ценным качеством: он позволяет мужчине поставить себя на место женщины, взглянуть на ситуацию её глазами.

Детская литература издавна служит своеобразным «термометром», по которому можно отследить психологическое здоровье социума. Если степень популярности детских произведений у взрослой аудитории наглядно отражает уровень общественного стресса[8], то «гендерный зоопарк» условно бесполых книжек-картинок прекрасно демонстрирует готовность читателя поставить себя на место ближнего. И это вопрос уже не равноправия, а принципиальной способности слышать друг друга, той пресловутой эмпатии, которая является фундаментом любых отношений, – неважно, между людьми или государствами.

Как показывает опыт, девочки с лёгкостью становятся на точку зрения мальчиков. Момент, когда мальчики смогут ответить им тем же, и ознаменует начало настоящего равенства – не гендерной «уравниловки», при которой различия между полами стираются вовсе, а конструктивного диалога, наполненного взаимным уважением и интересом. Оксана Ноговицына может не волноваться: детская литература не преминет это отразить.

[7] Doll J. The Rise of She: What a Shift in Gendered Pronouns Means // The Wire. URL: http://www.thewire.com/entertainment/2012/08/rise-she-what-shift-gendered-pronouns-means/55654

[8] Подробнее см.: Фельдман Е. А. Компенсаторная функция английской детской литературы // Вопросы литературы. – 2014. – Ноябрь-декабрь. – С. 279–294.

Текст: Валерий Воскобойников

Баллада о грузовике и его прицепе

Орлова А. Это грузовик, а это прицеп / Худ. О. Демидова. — М. : Росмэн, 2015

В детской литературе, и особенно в книгах для малышей, существует самое важное и при этом таинственное понятие, которое трудно объяснить словами. Имя ему – детскость. Десятки авторов на моём веку сочиняли умные, очень правильные и, на их взгляд, чрезвычайно полезные для детей тексты, однако эффект их сочинений был нулевой, если не отрицательный. А все потому, что они были лишены этой самой детскости. Что же такое скрывается за кажущимся простым, но столь таинственным понятием? Непосредственность интонации – но и не только. Особые ритмы, внутренняя энергия, лексика, острота переживания – все это необходимо тоже, чтобы взволновать детскую душу. Для меня и сегодня писание книг для детей сопоставимо с магией.

Этой магией пронизан казалось бы простенький и очень короткий рассказ про поездку грузовика с прицепом, написанный Анастасией Орловой и только что изданный «Росмэном» особой книгой.

«Это грузовик.
А это прицеп.
У грузовика четыре колеса, и у прицепа четыре колеса.
У грузовика кузов, и у прицепа кузов.
В грузовике груз, и в прицепе груз.
У грузовика есть руль, а у прицепа нет!
У грузовика есть мотор, а у прицепа нет!
У грузовика есть фары, а у прицепа нет!
У прицепа номер, а у грузовика два номера!
В грузовике кирпичи, а в прицепе гравий!

Прицепу тяжело, а грузовику ещё тяжелее.

Куда грузовик, туда и прицеп.

Едет грузовик по ровной дороге, и прицеп за собой тащит».

Так начинается эта своеобразная баллада в прозе для самых маленьких читателей, только-только научившихся говорить.

«Вдруг на дороге ямка!

Грузовик в ямку: «Бабах!».

И прицеп в ямку: «Бабах!».

Едут они дальше.

А на дороге ямка и ещё ямка!

Грузовик в ямку: «Бабах!», и ещё в ямку: «Бабах!».

И прицеп: «Бабах! Бабах!».

Едут они дальше.

А на дороге ямка, яма и ещё ямища.

А грузовик повернул в сторону и объехал ямы.

А прицеп: «Бабах! Бабах! Бабах!»

Едет грузовик по ровной дороге, и прицеп за ним едет легко и ровно.

Едут они дальше.

А на дороге…

…шлагбаум! Стоп! Приехали на стройку.

– Что везёте?

– Кирпичи и гравий.

– Проезжайте!

Грузовик выгрузил кирпичи: «Бум! Бум! Бум! Бум!».

Прицеп выгрузил гравий: «Чики-чики-чики-так!».

Едет грузовик обратно, а за ним прицеп.

Грузовик пустой и прицеп пустой.

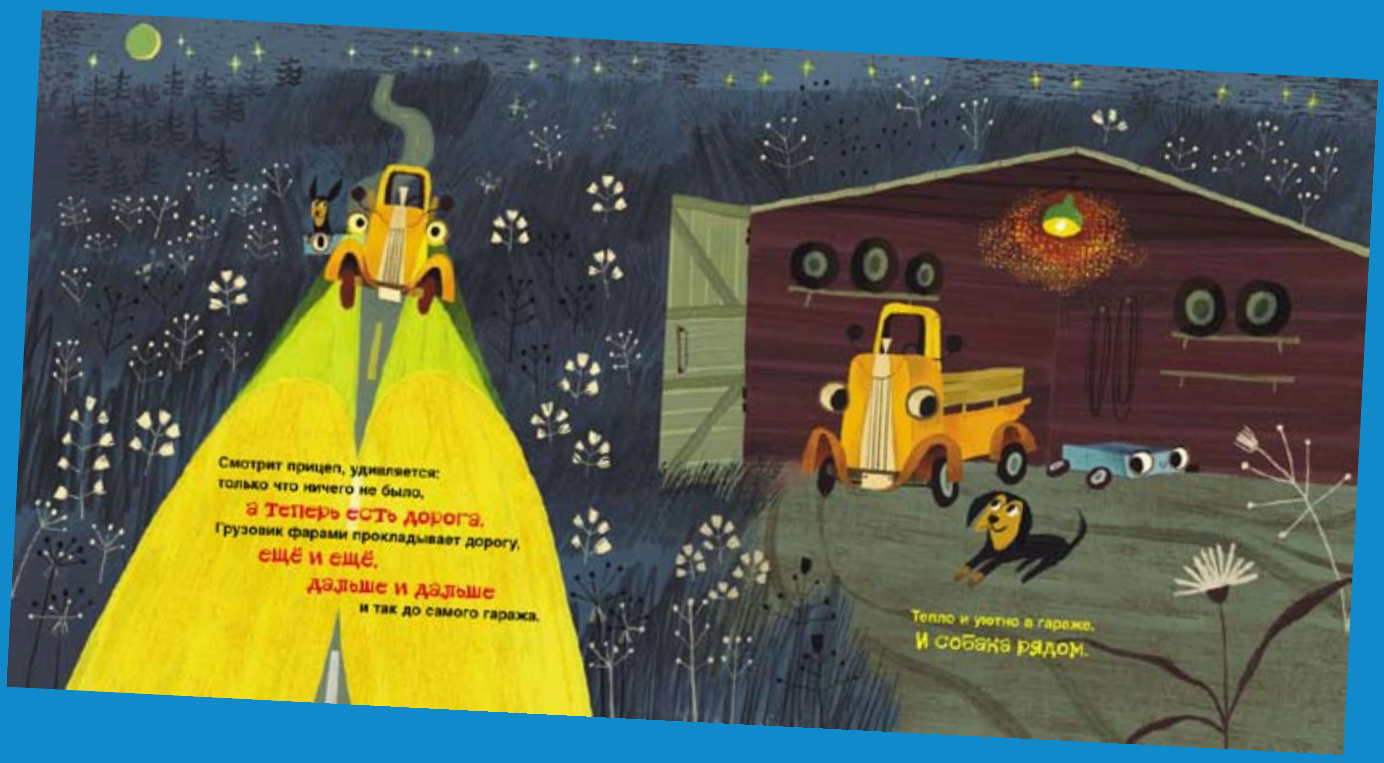
Легко грузовику, а прицеп вообще вприпрыжку скачет.

Куда грузовик, туда и прицеп.

Хорошо им вместе».

В этой прекрасной простоте рассказа происходит одушевление главных персонажей – то самое, что всегда случается в детской игре, когда малыш, переставляя игрушки, разговаривает за них, переживает вместе с ними различные события, порой даже вскрикивая! Так и здесь.

Но грузовик и прицеп ждут новые приключения. Не так-то просто им вдвоем спуститься с горы, а подняться – еще тяжелей. И вот прицеп неожиданно отрывается, весело хохоча и подпрыгивая несется вниз, съезжает с дороги и повреждает колесо. Грузовику приходится за ним возвращаться, привязывать его к себе тросом, тащить на станцию техобслуживания. И оставив там, ехать по свои делам, перевозить в магазин арбузы, что тоже не так просто – ведь арбузы постоянно катаются по кузову то вправо, то влево. А еще надо пережидать стадо коров, бредущих по дороге, потом преодолевать глубокую лужу. Так и кончается день. Становится темно. А что же прицеп, который давно починили, и к которому прибилась бродячая собака?



«А прицеп уже совсем отчаялся: «Никогда! Никогда не приедет за мной грузовик! Он, наверное, попал в аварию! А может он меня бросил? Зачем я ему? Без меня же легче, я только мешаю…»

И плачет прицеп: «Кап-кап!»

И дождь вместе с ним плачет: «Кап-кап!».

И капли падают собаке на нос.

Совсем-совсем тёмная ночь. Ничего нет вокруг. Даже прицепу кажется, что его нет на свете. Но что это за свет вдалеке? Грузовик едет! Ура! «Гав-гав!» – лает собака. Грузовик приехал! Усталый и грязный, только фары сияют! Крепко-накрепко схватился прицеп за грузовик и покатились они домой потихоньку. «Би-би! – говорит грузовик собаке, - поехали с нами». Дрожит прицеп, трясется на кочках, боится отцепиться.

Смотрит, удивляется: только что ничего не было, а теперь есть дорога. Грузовик фарами прокладывает дорогу, ещё и ещё, дальше и дальше и так до самого гаража.

Тепло и уютно в гараже. И собака рядом!»

Этот короткий, но полный приключений и душевных переживаний рассказ о грузовике и прицепе воспроизводит вместе с маленьким ребенком ту игру, в которую малыш будет самостоятельно играть несколько следующих лет, постепенно обогащая ее уже собственными подробностями.

Игровой момент – тоже одна из составляющих понятия детскости.

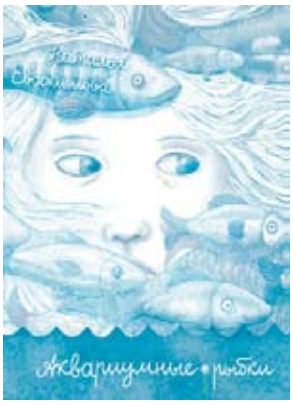
Анастасия Орлова как в стихах, которые я с удовольствием читаю уже несколько лет подряд, так и в прозе, обладает этим самым драгоценным и одновременно магическим свойством.

Но еще ей удается то, что совсем редко получается у большинства авторов. Я не очень люблю термин «назидательность», хотя бы потому, что часто, будучи высказанной прямо, она убивает художественный текст, превращая его в унылый перечень правил поведения. С другой стороны, детская литература – это особый вид искусства. Отличаясь от искусства «для взрослых», она еще несет и ответственность перед человечеством за воспитание невзрослого читателя. И, если, услаждая душу ребенка и его разум, стихи и проза незаметно пробуждают в нем чувство ответственности за свои поступки, то подобная литература является высшим пилотажем.

Именно такой «высший пилотаж» удался Анастасии Орловой в маленьком рассказе про грузовик и прицеп.

Хочу домой

Домом, именно домом и страстным желанием в нём оказаться, быть и постоянно возвращаться пропитана новая книга Натальи Евдокимовой «Аквариумные рыбки», которая недавно вышла в издательстве «Премудрый сверчок».



Про детские дома, про сирот и усыновление написано много книг. Это невероятный «Дом, в котором» Мариам Петросян, где выпукло и преувеличенно, но в то же время чётко и метко показана жизнь подростков в детском доме. Это тонкие, пронизанные жизнью и жизненным волшебством «Лёгкие горы» Тамары Михеевой, где описана адаптация приёмного ребёнка в новой семье, в новом мире, наполненном незнакомыми запахами, «живыми» соснами и родными людьми. Это абсурдная и смешная книга Фриды Нильсон «Меня удочерила горилла», это книги Дины Сабитовой – «Три твоих имени», «Где нет зимы», «Сказки про Марту».

Но книга Натальи Евдокимовой стоит особняком. Прежде всего благодаря невероятному единству текста и иллюстраций. Конечно, иллюстрированы и «Лучшая семья в мире» Сусанны Лопес и уже упомянутые «Сказки про Марту». Но если у Сабитовой истории про Марту написаны и, видимо, задуманы, как некоторое пособие для приёмных детей и их родителей («Кошка, которая тебя родила, совсем не умела быть мамой»), то у Евдокимовой нет теории, объяснений и границ. Тот же детский дом предстаёт либо вымышленным, либо иностранным – не бывает у нас так, чтобы казённый ребёнок гулял без воспитателя, – а Калачик играет с Иттой и ни одного воспитателя вокруг! Все эти детали, которые должны были бы царапать, заставлять переживать, сопереживать, опускаются или видоизменяются. Наталья Евдокимова справляется и без суровой правды жизни, умудряясь правдоподобно преподнести самое главное – Итту и ее чувства. «Аквариумные рыбки» – это не зарисовка извне, какая получилась у Лопес: вот ребёнок помечтал, вот появились приёмные родители, всё хорошо и мечтать особо не о чем – лучшая семья, где мама приносит сладкое, а папа ищет вместе с дочкой клад. Всё хорошо. Сразу. Без эмоций. Возможно поэтому иллюстрации у Лизы Третьяковой получились не «показывающими» или «объясняющими» – её иллюстрации слились с текстом, вышли из него и окружили, «прочувствовали» от начала и до конца: будь то отражение на поверхности машины или дети с открытыми ртами за стеклом. Иллюстрации цвета неба, как вода, откровенно намекающие на аквариум.

А ведь Наталья Евдокимова простыми словами, одним лишь названием своей маленькой повести объясняет разом все возможные переживания ребёнка в детском доме: рыбка в аквариуме. Та самая рыбка, которая должна быть в море или океане, где солёная вода и много кислорода, где куча других обитателей, непохожих, разных, или похожих, родных, где… Дом. Но рыбка оказалась в маленьком аквариуме с искусственными водорослями, «мёртвым» кислородом и вынуждена смотреть на то, что происходит за стеклом. И тосковать. Она, быть может, никогда не видела ни моря, ни океана, но она знает их, она их чувствует, они живут в ней со дня ее появления на свет… Именно так в ребёнке из детского дома живёт дом, родной, уютный, с родными людьми и запахами.

Главная героиня Натальи Евдокимовой, такой дом обретает – с зелёной крышей он сопровождает Итту и читателя на протяжении всей повести, защищает спину девочки, ждёт… И совершенно понятно, что пока он есть, в жизни ребёнка возможно всё.

Когда у тебя есть семья и дом, ты можешь писать стихи. Как Итта.

Когда у тебя есть семья и дом, ты видишь свои десять лет размытым пятном, ведь хорошее пролетает, только и успевай ловить.

Когда у тебя есть семья и дом, ты можешь плыть на старой лодке к Сириусу, главное, чтобы грести не одной, и «чтобы к вечеру вернуться»…

Наталья Евдокимова не теряет ни одной ниточки, скрупулёзно выводит каждый мазок на голубом полотне.

«Из-за слез я вижу папу будто через стекло», - говорит Итта. И как только уходит аквариумное стекло, папа становится «совсем настоящим».

В книге немного текста, но каждая строчка пропитана чувствами маленькой девочки, у которой теперь есть «её» родители. И читать хочется медленно, чтобы не упустить едва заметный штрих, будто неряшливо прописанную деталь, как, к примеру, бродячий пёс на станции, небрежно брошенное чувство – повествованию веришь от начала и до конца. И хочешь. Домой. Как Итта.

Аделия Амраева

О чем могут сказать ТОП-листы, или Что читают самостоятельные люди?

Фото Николая Галкина

Екатерина Асонова,
заведующая лабораторией социокультурных образовательных практик ИСП МГПУ,
куратор читательских программ БФ «Культура детства»

Мое основное занятие – детская литература и чтение. Уже пятый год на семинаре «Детские книги в круге чтения взрослых» я собираю неравнодушных к детской литературе педагогов, библиотекарей психологов и социологов, исследователей и студентов в Московском городском педагогическом университете. В этом году участники нашего семинара второй раз составляют топ-лист детских книг для выставки Non/fiction.

Международная выставка-ярмарка интеллектуальной литературы Non/fiction ежегодно проходит в Москве, в Центральном доме художника, в конце ноября. По традиции экспертный совет выставки определяет «топ» выставки, в который входят лучшие книги. Для детских и подростковых книг, презентаций, мастер-классов, диспутов и семинаров для детей, подростков и родителей есть особое место – Территория познания. Экспертный совет этой детской площадки тоже составляет свой «топ» из лучших российских и переводных книг, значимых работ художников-иллюстраторов и отмечает самые яркие переиздания произведений прошлых лет. В этом году экспертный совет детской площадки отмечал книги своего топ-листа особым знаком.

Кроме большого топ-листа, куда попадают новинки детской и подростковой литературы, на детской площадке есть «малые топ-листы», которые собирают разные люди и разные организации: топ-лист «Особые дети» собирает Анна Годинер – она много лет занимается проблематикой инклюзивного чтения, продвижения литературы, защищающей права детей с особыми потребностями. Топ-лист детского зала «Иностранки» (ВГБИЛ им. А. Рудомино) – это лучшие детские переводные книги, а иногда и отечественные. Свой топ-лист определяет общество «Мемориал». Собирают свой список новых книг сотрудники Детского книжного автобуса «Бампер»: им важно рассказать о книгах, в которых есть для читателей психологический ресурс. Как правило, с этими книгами работают психологи «Бампера» – читают и обсуждают их с детьми, рекомендуют покупателям.

Отдельный топ-лист есть и у семинара «Детские книги в круге чтения взрослых» – он о тех детских и подростковых книгах, которые важны взрослым.

Для топ-листа этого года я выбрала тему «Книги, которые помогают принимать решения», а в качестве экспертов пригласила людей, которым часто приходится принимать решения самостоятельно. Мне казалось важным найти тех, для принимает решения, желая изменить к лучшему жизнь людей, попавших в беду. И жизнь общества, которому важно разобраться в сложных вопросах истории и современности.

Вопросы были просты:

1. Какие книги, как вам кажется, определили в вашем характере решительность, способность на принятие самостоятельных решений и поступков? Речь идет о книгах, которые вы читали в детстве, в молодости.

2. Есть ли книги, которые помогают вам в том, что вы делаете сейчас для людей?

3. Если знаете какие-то современные детские и подростковые книги с таким ресурсом, назовите их тоже, пожалуйста.

Первым респондентом стал **Сергей Пархоменко**, журналист, автор и организатор очень важных, на мой взгляд, проектов и общественных инициатив. Таких, например, как проект «Последний адрес» – «широкая общественная инициати-

ва, имеющая своей целью увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы Советской власти». http://www.poslednyadres.ru/.

«В детстве я читал такую же точно классику, как и все: Д. Дефо «Робинзон Крузо», Д. Свифт «Путешествия Гулливера», Л. Буссенар «Капитан Сорви-Голова», романы Жюля Верна и Майн Рида. Мне кажется, это книги, которые подводят к мысли, что в трудном положении надо искать выход, что-то изобретать и выдумывать... В молодости на меня большое впечатление произвели рассказы и романы Хемингуэя. Там речь идет о людях, которые не сидят на месте, а стараются наполнить свою жизнь событиями, что-то важное сделать, преодолеть какие-то сложные жизненные обстоятельства».

У переводчика **Натальи Мавлевич** была немного иная читательская траектория:

«В моем советском детстве моими героями лет в 10-12 для меня были Риварес из «Овода», молодогвардейцы и Алексей Мересьев. А рядом с ними стояли Одиссей и прочие герои Гомера, сказочно-эпические персонажи вроде рыцаря Роланда и Ильи Муромца. И, конечно, князь Болконский... Да, я была всеядна, и в голове моей была каша. «Капитанская дочка», конечно, там тоже была. Если брать именно детские книжки? Не знаю. Может, «Дети капитана Гранта»? Тоже не совсем детская... Вообще, в юности я читала классику тоннами. И всем решительным бойцам предпочитала рефлексирующих гамлетов. В моей работе сейчас больше помогают стихи. Бывают в жизни моменты, когда в петлю хочется, вспомнишь что-нибудь из книг, и ничего – живешь дальше. Из современных подростковых я бы выделила «Зимнюю битву» Мурлева, «Гвардию тревоги» Мурашевой, как ни банально – «Гарри Поттера» – книга с очень точно расставленными нравственными акцентами, и «Властелина колец».

Дмитрий Петров, пастор собора Св. Михаила в Санкт-Петербурге, член союза писателей Санкт-Петербурга – назвал среди значимых книги – «Остров сокровищ» Р. Стивенсона, «Капитанская дочка» А.Пушкина, «Я отвечаю за все» Ю.Германа, «Живые и мертвые» К.Симонова, «Вся королевская рать» Р.П. Уоррена, «Молодые львы» И. Шоу, и Новый Завет.

«Все герои названных произведений – молодые люди. В «Острове сокровищ» герой совсем мальчик, в «Капитанской дочке» – юноша, но и в других – тоже молодые. Каждый из них по нескольку раз вынужден делать свой выбор между верностью и предательством, между честью и бесчестьем, между порядочностью и шкурничеством. Во всех этих романах выбор непростой, он осложнен внешними обстоятельствами и нюансами. Герой «Рати» Джек Берден по просьбе друга губит своего отца, хотя там все виновны... Христиан Дистль из «Львов» принципиально отказывается спасти свою жизнь и сдает своего друга в гестапо. Словом, в этих романах ситуация выбора и принятия решения показана не упрощенно, а во всей сложности».

Роман Иванов, старший партнер консалтинговой компании «Formatta» выбрал две книги Фенимора Купера «Последний из могикан» и «Зверобой», Генриха Манна «Молодые годы короля Генриха IV, Рувима Фраермана «Дикая собака динго», Дюма «Сорок пять», Куприна «Поединок», Игнатьева «50 лет в строю», Боголюбова «Момент истины» (эта книга произвела на четырнадцатилет-

него Романа такое сильное впечатление, что после прочтения этой книги он ушел в поход в Карелию, просто оставив родителям записку: «Ушел в поход. Не знаю, когда вернусь»). Позже Роман прочел «Живые и мертвые» Симонова и «Финансист», «Титан», «Стоик» Драйзера.

Один из самых интересных анализов собственного становления сделала **Марина Соломонова**, филолог, специалист по детской литературе, предприниматель, владелец книжного магазина «Диккенс»:

«Я читала совершенно бесконтрольно и огромное количество именно приключенческой литературы о Капитане Бладе, мушкетерах, Робине Гуде, Шерлоке Холмсе, Тиле Уленшпигеле, Томе Сойере и Гекльберри Финне. В книге «Будь честным всегда» Жигмонда Морица потрясающий герой, мальчик, очень рефлексивный, умный, тонкий, который противостоит миру взрослых. У меня была сильная тяга к героике, мне очень-очень нравились истории о Миклухо-Маклае, о Жанне д`Арк, «молодогвардейцах» (все-таки я родилась в 1980-е и начала читать в 1990-е, когда литература смешалась – еще были пионеры-герои, но уже пошли и святые). Мне очень понравилась Бруштейн «Дорога уходит вдаль» – тяга к справедливости – и книги, которые я брала из библиотеки: «Паултье, они снова хотят воевать» Ги Ланена и «Банда тетушки Барбары» Элс де Грун, где описан мир, в котором ты осознаешь массу боли и несправедливости, с которыми надо что-то делать, и ты обещаешь себе, что ты сделаешь это. Книга «Паултье…» была моей первой книгой о фашизме, о преступлениях нацистов, и она потрясла меня очень сильно. До сих пор, когда меня что-то невероятно злит в мире, я приговариваю: «Пепел Клааса бьется о мою грудь» (Это цитата из книги о Тиле Уленшпигеле). Сейчас мне очень помогает книга «Малый мир. Дон Камилло» Джованни Гуарески. Я люблю «Гарри Поттера», люблю Джозефину Тэй, Дика Френсиса и Кейт Аткинсон. Несмотря на то, что на первый взгляд они пишут детективы, там мало «экшн», больше поисков справедливости».

Петерсон Людмила, автор учебников и учебных пособий по математике дала обстоятельный развернутый ответ:

«В детстве мы много читали толстых журналов, самиздата, французских авторов в оригинале, ходили на выступления и учили стихи наших «оттепельных» поэтов. Были любимыми и сейчас вспоминаются в первую очередь – «Дорога уходит в даль», «Два капитана» и «Загадка Н.Ф.И», «Три мушкетера», «Робинзон Крузо», «Дети Капитана Гранта» и «Очарованная душа», «Овод», «Отверженные», «Дэвид Копперфильд». Дух захватывало при чтении Беляева «Голова профессора Доуэля» и «Продавец воздуха», рассказов Конан Дойла (нравилась логика, непредсказуемость). С восторгом читала «Шагреневая кожа», «Ярмарка тщеславия», «Собачье сердце», «Жизнь взаймы», «Рукопись, найденная в Сарагосе», «12 стульев», «Милый друг», «Мой Пушкин» и стихи Цветаевой, стихи Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулиной, «Le petit prince», биографические книги и серия ЖЗЛ».

Самостоятельность для моих респондентов – это во многом вера в подвиг, в собственные силы. И образы, герои, сюжеты, которые помогают идти вперед. И это очень логично.

Но есть и другая сторона решительности и самостоятельности.

Елена Альшанская – создатель фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» заметила:

«На мое становление повлияли рассказы «Униженные и оскорбленные», которые я прочла в 7 лет, а еще «Хижина дяди Тома». Из детских книг назову сказки Туве Янсон про мумии-троллей: «Шляпа волшебника» и другие».

Светлана Кочерина, драматург, организатор и вдохновитель конкурса «Маленькая премьера» назвала три книги из детства: А.Бруштейн «Дорога уходит вдаль», В. Осеева «Динка» и А. Дюма «Три мушкетера». И добавила, что книги эти и сейчас влияют на ее поступки.

Катя Бермант, директор фонда «Детские сердца», уверена, что «лучшая книга о принятии правильных решений – Муми-тролли! Совершенно прекрасные ВСЕ книги Астрид Линдгрен, «Приключения Капитана Блада». Прекрасная книжка «В стране легенд» и английские сказки. Ну и «Властелин колец». Из современных книг она выделила издания «Розового жирафа».

Анна Тихомирова, создатель детского книжного автобуса «Бампер», президент фонда «Культура детства», просто назвала Е. Ильина «Четвертая высота», все книги Фриды Вигодоровой и повесть Харпер Ли «Убить пересмешника».

Полина Рычалова, основатель школы осознанного родительства Tender Bean, автор и ведущий программы развития волевого потенциала Willding35, бегунья-ультрамарафонец, говорит, что наиболее важными для ее характера стали повесть Астрид Линдгрен «Пеппи Длинный чулок», истории Туве Янсон о Муми-троллях, повести Александра Волкова про волшебника Изумрудного города, сказка Сельмы Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями» и книга Натаниэла Гиоторна «Родимое пятно».

На **Сашу Телицину,** исполнительный директор межрегиональной общественной организации содействия воспитанию подрастающего поколения «Старшие Братья Старшие Сестры», повлияли книги «Маленькие дикари» Сетон-Томпсона, «Четвёртая высота» А. Бруштейна «Дорога уходит вдаль», А. Маршалла «Я умею прыгать через лужи», а также Е. Водовозовой «История одного детства», «Динка» В. Осевой и «Два капитана» В. Каверина, «Дом, в котором» М. Петросян.

Ася Штейн, учитель Лицея им. А. Вернадского, определила важными для себя книгами в детстве «Пеппи Длинныйчулок», «Дорога уходит вдаль», «Два капитана». А в юности – «Мастер и Маргарита».

Интересны совпадения. Все, чья деятельность так или иначе связана с защитой семьи, детства называли одни и те же книги – о ценности семьи. Чтобы быть сильным, нужно иметь хороший тыл!

Однако на этом поиски вдохновляющих на самостоятельные поступки книг не закончились. Вот такой ТОП определили участники группы семинара «Детские книги в круге чтения взрослых» в социальной сети Facebook:

Селинджер Д.Д. Над пропастью во ржи.
Гайдар А. Тимур и его команда.
Бруштейн А. Дорога уходит в даль.
Макаренко А. Педагогическая поэма.
Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу.
Голдинг У. Повелитель мух.
Крапивин В. Повести.
Ильина Е. Четвертая высота.
Бичер Стоу Г. Хижина дяди Тома.
Гальего Р. Белое на черном.
Дневник Анны Франк.
Маршал А. Я умею прыгать через лужи.

И в завершение хочется привести список новинок – книг 2014-2015 года, которые составили малый ТОП лист семинара.

ЧИТАЙ – ДУМАЙ – И ДЕЛАЙ!

1. Юлия Венедиктова. ***Армас. Зона надежды***. – Росмэн, 2015.

2. Франческо Д`Адамо. ***История Икбала***. – КомпасГид, 2015.

3. Бэл Кауфман. ***Вверх по лестнице, ведущей вниз.*** – Белая ворона, 2015.

4. Ася Кравченко. ***Куда бежишь?*** – Абрикобукс, 2015.

5. Жаклин Келли. ***Эволюция Кэлпурнии Тейт***. – Самокат, 2015.

6. Алан Маршал. ***Я умею прыгать через лужи.*** – Clever/Клевер медиа групп, 2015.

7. Мюрай Мари-Од. ***Умник.*** – Самокат, 2015.

8. Папины письма. Письма отцов из ГУЛАГа к детям, – AgeyTomesh/WAM, Мемориал, 2014.

9. Роланд Смит. ***Пик***. – Розовый жираф, 2015.

10. Гарри Шмидт. ***Беда.*** – Розовый жираф, 2015.

11. Тод Штрассер. ***Волна. –*** Самокат, 2014.

12. Ая Эн. ***Мутангелы. Уровень Пи.*** – Росмэн, 2015.

Про Камо

Домой возвратилась с книжками в клюве, радостно предвкушая, как вручу их этому мальчику, а сама пойду читать письма Конан Дойла.

Или нет, так нельзя. Ну, я просто сделаю вид, что читаю – буду цитировать ему особо вкусные куски, а когда он увлечется и книгу у меня заберет – вот тогда пойду читать письма.

Нет, опять плохо. Знаем мы. Ну, ладно. Я буду читать вместе с ребенком. Надо, надо читать вместе. В совместном чтении есть ряд неоспоримых преимуществ. Во-первых, в доме, где все с трудом отрываются от экранов своих ноутбуков, а которые несознательные, те все делают тяп-ляп, абы отвязались, почитать вместе – спасение. Волшебное средство, чтобы оторвать седалище от кресла и пойти общаться с родной матерью (и наоборот).

Во-вторых, вам есть, о чем поговорить. Во-третьих, разговор вокруг книги быстро превращается в разговор обо всем том важном, что дети слушать не хотят, потому что скучно. А так не скучно.

В общем, видите, как ловко получается? Не видите. Потому что мать-ехидна вместо того, чтобы читать якобы себе вслух за обедом, уткнулась в книгу и просидела над ней молча, пока не прочла всю.

Так получилось.

Но, наконец, книга закончена, я снова доступна, а ребенок (мальчик А. пятнадцати лет – циник и вредный тип) тянет к книги свои щупальца.

Щупальца он тянет вот куда: Даниэль Пеннак. Приключения Камо. Беспорядочные штрихи выстреливают, как из пушки, в оранжевый фон, пока как-то вдруг не складываются в портрет молодого человека. Явно грузинской наружности. С иронически-мрачной физиономией. Такое выражение бывает у всех вообще юношей 13–17 лет.

У сына такая же.

– Ну, и про что это? – хмуро спрашивает сын. – Так, ага. Про школьников. Хм. (Долго рассматривает обложку). Картинка ничего. Очень даже ничего.

Тут я говорю, представляешь, какая вещь. Очень. В особенности язык. И переводчик. И, говорю, представляешь, как смешно. Там есть слова «хрень» и «жопа».

И тут такая пауза. Сын сурово воззирает на мать. Человек, безостановочно сквернословящий, когда он играет по скайпу с друзьями в эти их игры, ругающийся так, что я стучу в дверь и жалуюсь, что ощущаю себя в мужской уборной, осуждает меня всем своим видом.

Почему это мне вдруг нельзя, когда ему можно. И еще уговоры не действуют. Явная двойная мораль.

На самом деле не совсем. Кто, как не я, кричал, как раненый слон в смысле «писатель должен владеть словом, а которые плачут, что мат запретили, те болваны, потому что сколько можно, и хватит, и литературного языка нет, потому что нет вообще гигиены, и, кроме того, ужасно много всяких употребляют слова там, где в этом нет необходимости потому что сказать-то более нечего и гордиться нечем».

В общем, резонно требовать последовательности. А мать-ехидна (та самая, которая стучит в дверь) сидит и радуется. Нашла, чему.

Принимаюсь разъяснять. Говорю, была бы я редактором этой книги, костьми бы легла, чтобы слова остались. Потому что они на месте. Потому что они точны и заменить их нечем. И попутно бубню: вот интересно, что там в оригинале.

– В оригинале? – задумывается сын. – А вот интересно, как по-французски «жопа» и «хрень»?

Я говорю, что второго не знаю, но первое – Cul, – повторяю, силясь вернуть усвоенное когда-то в школе произношение, – cul, cul.

Сын возражает, что это не ругательство. Такие слова не могут быть ругательством.

Из дальнейшего (короткого и сурового) монолога я понимаю, что вот сейчас мне было высказано беспредельное восхищение красотой французского языка. Гм. Он, оказывается, любит французский. Надо взять на заметку.

– ...как музыка, – заканчивает сын и лезет в книгу.

Пока он туда лезет – а он читает урывками, и ждать его впечатлений скоро нет смысла, расскажу о своих.

Я не очень большая сторонница всяких приемов глобализации. Признаю пользу, вижу плюсы, но, признаться, совсем ничего не чувствую. Такова идея – я ее ощущаю (кто хочет – идите спорить, интересно). Такова обязательная фигура психолога – моего любимого предмета насмешки. Таков рассказчик – у него даже имени толком нет. Мальчика зовут Ты. Его маму и папу тоже почти не зовут: Поп и Мун. Они хорошие (конечно), милые (читай – пресные), ничем особенным не выделяются, и читать о них, честно говоря, интересно постольку, поскольку существует Камо. В общем, ясно, что рассказчик – намеренно делает себя незаметным. Ты – обращаются к нему, и вы понимаете, что обращаются к вам. Таким нехитрым способом читатель оказывается в шкуре рассказчика.

Если короче, то Ты – такой доктор Ватсон, который рассказывает нам о своем друге. А друг – о, да, этот тип стоит вашего времени!

Но не только.

Историю про Камо населяет масса всякого народа – и вот о них читать интересно. Учитель мсье Маржерель – человек с десятком лиц, изобретательный и трогательный парень на мотоцикле. Учитель литературы мсье Крастэнг – ужасный и несчастный. Длинный Лантье – классный неудачник-философ. (Кто сейчас увидел игру слов – угадал). Даже малозначительный мсье Портвешок делается фигурою, как только рядом с ним появляется Камо. Такое уж свойство у этого мальчика. (По-моему, именно это нарисовано на обложке).

Гремучая смесь национальностей: русские, грузины, евреи – по паспорту француз. Сын своей матери – с таким же бешеным темпераментом. Получивший от покойного отца (тот и перед смертью шутил) поручение о ней заботиться. Юный глава семьи, вечно спорящий с родной мамой и качающий права, но непостижимым образом совершающий свои безумные фокусы так, что они оказываются единственно правильным решением проблемы.

Слишком рано повзрослевший. Слишком свободолюбивый. Слишком привязчивый – так, что хочется обнять его и оберечь: осторожнее, слышишь!

Ну, в общем, вы догадались. Камо здорово похож на одного мальчика. Не знаю, правда, помчался ли бы мой сын за тридевять земель, чтобы только иметь возможность поговорить со мной по телефону, но тут уж как есть. К тому же, Камо хозяйственный – чего о некоторых не скажешь. Ну, то есть, этот мальчик тоже хозяйственный, но только чтобы не мыть полы и посуду. И стол не убирать. Во всем остальном – в хитростях изобретательного лентяя, который превращается в трудоголика, как только ему стало интересно; в бешеном нраве – не мальчик, порох!, в безбашенности – всё гнет свое, и трава ему не расти, в обаянии, которым кое-кто пользуется без зазрения совести, – ну, это же мой сын!

Самое смешное, что и мама этого сына тоже кого-то напоминает. Правила у нее какие-то собственные, проекты – какие-то безумные, и ни на одной на работе – о! – она не может удержаться. Пока не придумает собственную.

Короче говоря, к концу книги проблема глобализации, всякие мировые тенденции и прочая всеобщая белиберда как-то подевалась. Ну ее.

Осталась только история семьи, над которой интересно думать. Даже теперь, когда книга кончилась. История такого сорта, который я, честно говоря, отчаялась встретить. Та, что проникает внутрь и становится частью моей жизни. Та, где к герою относишься как к близкому другу. Человеку, который, черт возьми, понимает!

Хотя чему я удивляюсь. Это же Пеннак, он по-другому не может.

Елена Соковенина

Дашевская Нина
Вилли
КомпасГид, 2015

Прозу Нины Дашевской легко узнать. Если слышишь настоящие интонации подростка лет от десяти до четырнадцати, это наверняка Дашевская.

А ещё в её произведениях всегда присутствует музыка. Пробирается в виде звуков из соседней квартиры, или скрипки, на которой играет одноклассник, или оборачивается именем главного героя: Себастьян, – конечно, в честь Баха. «Имя серебристого цвета», – говорит о нём самая высокая в мире девочка Августина, у которой живёт ярко-рыжий велосипед, который умеет разговаривать. А тот, кому принадлежит имя, стесняется, предпочитает «Севку», даёт отпор обидчикам только в мечтах, и в мечтах же дружит с отличным пареньком из своего класса, а так… обычная жизнь человека десяти лет от роду.

«И как удивительно: он догадался пригнать велик для того, у кого нет! Всё-таки Марк – это Марк. Вот с кем я хотел бы дружить… Только уж очень он умный. Ему будет со мной неинтересно…»

Но однажды Вилли, говорящий велосипед, становится Севкиным, потому что Севка смог его услышать, и внезапно мир преображается. Только с Вилли можно попасть в Город потерянных вещей или Деревню великанов, например. Но главное – меняется сам Севка. Ему уже под силу защищать слабого от обидчика, и пожалеть, и уступить первенство, и как-то сам собой вдруг складывается круг друзей, ради которых стоит гнать на велосипеде, пытаясь обогнать поезд. И как-то сами собой утрясаются житейские проблемы: с работой для родителей, со школой для Августины (с таким ростом не очень-то пойдёшь учиться). Кажется, Севка взрослеет, перерастая свой волшебный мир, как вырастают из велосипеда. Но как хорошо, что в детстве останется воспоминание – Вилли. Вилли, друг, давший силу, опору и свободу быть собой.

«Имя Вилли – цвета неба. Цвета бесконечной свободы. Вилли! Слышишь – полетело…»

Савушкина Наталья,
главный библиограф отдела
рекомендательной библиографии РДГБ

Текст: Дарья Доцук

Чему учат в Школе детской книги

5 декабря в Москве завершилась трехнедельная Школа детской книги, которую придумала и организовала издатель, составитель «Навигатора по современной отечественной детской литературе “Живые лица”» Таня Беринг при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Института современного искусства. Мне выпала возможность пройти обучение в Школе вместе с 20 молодыми специалистами — редакторами, писателями, иллюстраторами и маркетологами.

Среди официальных целей Школы — помочь участникам развить навыки создания и реализации новых бизнес-моделей, продвинуть авторские проекты на книжный рынок, усовершенствовать профессиональные компетенции и консолидироваться.

Обучение в Школе бесплатное, участников отбирали по результатам анкетирования. В числе моих сокурсников иллюстратор Анна Романова, чьи работы включают «Стихи с горчицей» Вадима Левина и «Плащ Крысолова» Марины Аромштам; хозяйка семейного книжного магазина-клуба «Читай-болтай» Анастасия Скрыпка, редактор издательства «Самокат» Полина Лебедева; автор креативных прописей для детей и проекта «Книжный гид» Марта Райцес, дипломант премии им. Крапивина-2015 Алена Долгих и другие.

Зачем я пришла в Школу детской книги? Узнать больше о продвижении, перенять опыт знатоков книжного рынка и оказаться в среде, потому что ничто так не подталкивает и не развивает, как профессиональная среда.

Первая же неделя превзошла мои ожидания — лекция детского психолога Елены Кравцовой помогла разобраться в потребностях читателей детского и подросткового возраста, понять, как вовлекать их в процесс чтения в зависимости от возраста и ведущей деятельности. Например, в 3-7 лет ведущая деятельность ребенка — игра, а значит, нужнее всего ему книжки-игрушки, тогда как в 12-15 — книги о ровесниках или фэнтези, потому что для подростка чтение — это общение, поиск группы.

Директор издательства Clever Александр Альперович рассказал, какими критериями руководствуется редакция при отборе текстов и иллюстраций, отметив, однако, что самотек — это путь в никуда, и лучшие тексты, как правило, приходят по рекомендации знакомых писателей и коллег. А вот иллюстраторам директор настоятельно рекомендовал присылать портфолио на почту редакции, поскольку новые работы всегда нужны.

Успех издательства, по словам Альперовича, заключается в регулярной продуманной программе продвижения и распространения. Он назвал 4 главные движущие силы: серийность, сезонность, регулярность и учет особенностей каналов продаж.

Таня Беринг поделилась опытом работы над проектом «Живые лица» и предложила провести мозговой штурм по поиску новых каналов продвижения проекта и привлечения внимания учителей и библиотекарей.

У иллюстраторов была возможность встретиться и обсудить свои работы с народным художником России, иллюстратором более 300 книг Борисом Диодоровым, а также заслуженным художником РФ Татьяной Костериной.

За редакторов и писателей тем временем взялась Дина Крупская, переводчик, поэт, писатель, под ее руководством 12 лет выходил журнала «Кукумбер». Авторы учились читать тексты вслух, а затем редакторы комментировали прочитанное. «Каждому редактору нужно обязательно побыть писателем и понять, что нельзя вторгаться в текст автора со своим «я»» — заметила Дина Крупская. «Писать надо нервом, закачивайте энергию в строки» — посоветовала она.

В течение курса несколько мастер-классов по маркетингу провели сотрудники издательства «Манн, Иванов и Фербер» — руководитель направления «МИФ. Детство» Анастасия Кренева и директор отдела маркетинга Анна Грузина. На их занятиях мы учились анализу рынка, позициони-

рованию, определению целевой аудитории и ее потребностей, а также планированию кампании по продвижению.

О тенденциях книжного рынка и методах продвижения рассказала директор по маркетингу книжного магазина «Москва» Екатерина Мосина. Она также дала авторам несколько ценных советов. Например, быть внимательными к читателям: общаться, создавать свою читательскую группу. Устраивать ивенты вместо презентаций, ведь на автограф-сессии малоизвестных авторов никто не ходит.

Самым сложным сегментом Мосина назвала подростковую литературу: «К 14-15-летним трудно пробиться, большинство из них уже читают взрослые книги».

«Детские книги современных авторов хороши добром и трогательностью, размышлениями о нравственных вопросах, но им не хватает занимательности, приключений» — заметила Мосина.

Она также поделилась наблюдением, что детские премии еще недостаточно раскручены, чтобы способствовать продажам.

Организаторы Школы постарались охватить все аспекты детской книги, поэтому включили в расписание семинары по авторскому праву, созданию буктрейлеров, работе типографии, техническому редактированию, книжной архитектуре, шрифтам и даже уникальным книгам ручной работы.

Особого внимания удостоились электронные и интерактивные книги — им было посвящено целых четыре лекции.

Александра Кочеткова, руководитель студии Touchanka, честно предупредила, что создание интерактивной книги пока слишком дорого и трудоемко, чтобы окупаться. Основная причина в том, что пользователи в России еще не готовы платить за софт.

С бóльшим оптимизмом смотрят на развитие рынка электронных книг дизайнер Егор Тулин, который не видит альтернативы для проектов, использующих мультимедиа материалы или сложную нелинейную структуру, и менеджер по развитию компании «MyBookTools» Юрий Красильников. Он подчеркнул, что широкие возможности такого формата будут особенно актуальны для учебных, познавательных, детских, досуговых книг и детективов. А мобильное приложение, которое сервис MyBookTools позволяет создать без навыков программирования, может стать интересным поддерживающим продуктом для книги.

Кинопродюсер Виталий Сидоренко рассказал о неутешительной ситуации в российской киноиндустрии: кинотеатры не заинтересованы в отечественном кино, сломана система распределения бюджета, а господдержка оказывается фильмам на определенные темы. В прошлом году их было

20, первая тройка — история Крыма, 400 лет дома Романовых, к юбилею Сергия Радонежского. В детском кино ситуация с темами немного лучше, одна из первых — толерантность.

И тем не менее киностудия Виталия Сидоренко «Ракурс», которая занимается выпуском детских и юношеских фильмов, заинтересована в новых авторах и сценаристах. «Ракурс» экранизировала уже 3 книги современного автора Тамары Крюковой — «КостяНика», «Потапов, к доске» и «Ведьма». По словам продюсера, однажды в поисках основы для фильма он зашел в книжный магазин и попросил консультанта посоветовать ему современного детского писателя. Ему показали книгу «КостяНика», Сидоренко прочел ее и подумал: «Вот готовый сценарий!».

«Деньги не первостепенная проблема для моей киностудии, — заметил Сидоренко. — Первая проблема — найти хороший сценарий, на втором месте — хорошего режиссера, и уже потом деньги». Он добавил, что рассматривает все предложения, поступающие на официальную почту компании.

Детальный обзор современных литературных конкурсов подготовил заведующий отделом рекомендательной библиографии РГДБ и член жюри конкурса «Новая детская книга» Алексей Копейкин.

О работе международных книжных выставок и, в частности, Non/Fiction рассказала ее директор Юлия Благоразумова.

Одна из лекций была посвящена выходу на зарубежные рынки и взаимодействию с издательствами Франции и Бельгии. Литературный агент и переводчик Светлана Петрова выделила основные темы, которые франкоязычный читатель ищет в книгах из России. Это критический взгляд на советскую эпоху, славянская мифология, эмиграция и тексты на стыке культур. Мы с удивлением узнали, что французы выпускают комиксы про СССР и сочиняют сказки про Бабу-Ягу.

Логичным завершением Школы стала защита проектов. На второй неделе участники разделились на команды и приступили к работе над идеями книг. Помогали им в этом редактор Дина Крупская и художник Ирина Драгунская, а сотрудники издательства «Манн, Иванов и Фербер» консультировали по вопросам маркетинга.

По итогам трех недель участники представили жюри две книжки-картинки, масштабную трилогию в жанре фэнтези, развивающую раскраску, книгу-квест и юмористическую подростковую повесть.

Все участники получили подробные отзывы и советы экспертов, которыми стали директор издательства «Манн, Иванов и Фербер» Артем Степанов, детский писатель Елена Усачева, руководитель проекта «Книга года: выбирают дети» Елена Гращенкова, менеджер по развитию компании «MyBookTools» Юрий Красильников, декан Факультета дизайна Института современного искусства Оксана Скочко, а также издатель и организатор Школы Таня Беринг.

Участникам вручили сертификаты государственного образца о повышении квалификации. Таня Беринг поздравила выпускников: «За спиной три недели интеллектуального, творческого, креативного марафона. Вы большие молодцы! Теперь вы есть друг у друга. Вместе двигаться вперёд гораздо проще! Продавать и продвигать готовые проекты выгоднее! О Школе и о вас знают все издательства детской литературы. У вас есть контакты людей из книжного бизнеса, они вас очень хорошо восприняли, готовы помогать, консультировать, дружить. Словом, всё только начинается, и это — здорово!»

Действительно, все только начинается: Таня Беринг и Институт современного искусства намерены приложить все усилия, чтобы в следующем году Школа детской книги встретила новых учеников.

Марина Бородицкая **Майкина книжка** Клевер Медиа Групп, 2015

Бородицкая обладает редким даром: точно воспроизводить в словах любой мир, будь то мир взрослого или ребёнка, английской поэзии или русской действительности. Голосом Марины Яковлевны говорят на русском Д. Дональдсон, А. Милн и Р. Киплинг и другие. Но и свой голос Бородицкой настолько выразителен, что мы, получив очередную книгу, всё равно кричим, как дети вокруг льва Бонифация: «ещё, ещё!».

Новое издание стоило бы отметить особо, даже если бы других сборников Бородицкой не существовало (а существует их, к сожалению, совсем не много). «Майкина книжка», яркая, праздничная, отчаянно-красного, самого любимого цвета у детей, какого бывают ярмарочные леденцы или яблоки – очередной удачный прыжок в другой мир. На этот раз – в мир совсем крошечного ребёнка.

Майя не похожа на прежнего героя Бородицкой, озорного мальчишку школьного возраста (как мы помним, у него и задачка не решается, и голова не спешит соображать). Легко и непринуждённо поэт переносится в мир «ползунка», и ракурс получается совершенно иной. Но и тут, в стихах, похожих на потешки, уже находится место игре слов:

Мы пол… мы пол… мы ползаем,
А пол – огромный прямо!

Автор заставляет нас улыбаться и поражаться не ребёнку, но *вместе* с ребёнком. Майя растёт, открывает для себя мир, и цепкий взгляд автора выхватывает из него именно то, что важно и значимо для маленького человека. Мы слышим настоящий детский голос, нет ни одной фальшивой ноты.

…Мы встретили Тиму,
Мы встретили Тёму (…)
Мы встретили булочку –
Прямо из печи!
Какие бывают
Хорошие встречи!

Стихи для малышей должны быть отточенными, и в «Майкиной книжке» они именно таковы. Читаются легко, запоминаются – быстро, помнятся – долго. Хочется перекатывать их во рту, до того они ловкие:

… Будто земляничина,
Только увеличена.

Самым маленькие радуются игре, которую автор вводит как бы нечаянно. Взрослый вздохнёт вслед за мамой: «сладкая моя», а ребёнок обрадуется, что взрослый-то на сей раз ошибся: Майя – не слад-

кая, а солёная после моря! Бородицкая играет с ребёнком за спиной у взрослого, совершенно заговорщически, полностью на стороне ребёнка:

Я из моря вышла –
Морем закалённая,
Я из моря вышла
Мокрая, солёная,
Я из моря вышла:
- Мама, вот и я!
И сказала мама:
- Сладкая моя!

Или автор позволяет героине вступать в словесную пикировку с мамой, которая, подобно мамам во всём мире, хочет порядка:

- Мама, мама, что за мода –
Лазить в ящики комода?
Ты задвинь-ка их опять –
Ничего и не видать!

Проникает в малышовые стихи Бородицкой и самоирония, ведь они, как и всякие хорошие произведения, не только для детей, но и для взрослых. После перечисления всех бабушек, которые (почти по Михалкову) нужны и важны: и дом убрали, и кашу сварили, всех накормили, объявляется бабушка Марина (благодаря художнице Марии Муравски мы убеждаемся, что речь идёт о той самой Марине, о которой мы подумали):

А бабушка Марина
Встала позже сына (…)
Натянула брючки,
Позвонила внучке:
- Не сходить ли нам в кино
И в «Макдональдс»? Решено!

В издании мы находим и игру не только слов, но и формы: некоторые развороты нужно смотреть не горизонтально, а вертикально. Вообще, художественное оформление и материальная форма издания удачны: помимо того, что в книге господствует красный, «цвет счастья», нарисованная глазастая Майя – словно квинтэссенция восторга, жадного впитывания событий. Шрифт же достаточно крупный, чтобы мог самостоятельно читать ребёнок лет пяти, и большой формат тоже этому способствует.

А о стихах Бородицкой всегда можно сказать «блестяще», просто теперь они доступны ещё одному читателю, самому маленькому. Порадуемся за него… и за нас. Рождение внучки Майи в семье «бабушки Марины» приоткрыло ещё одну дверь в «малышовый» мир и подарило радость многим читателям.

Савушкина Наталья,
главный библиограф
отдела рекомендательной
библиографии
РДГБ

КНИГУРУ: обзор шорт-листа
Часть первая

В этом номере мы начинаем обзор произведений авторов, которые вошли в короткий список премии «Книгуру». К сожалению, к моменту выхода журнала имя победителя еще неизвестно, однако по результатам голосования в группе Переплета в Фейсбуке лидирует «Кит плывет на север» Насти Строковой. На втором месте «Я не тормоз» Нины Дашевской, а третье делят между собой «Пролог» Эдуарда Веркина и «Подсказок больше не будет» Светланы Волковой. В этом обзоре сопоставляются два мнения относительно каждого произведения, что, на наш взгляд, дает более объемное представление о текстах. Продолжение обзора читайте в следующем номере.

«Криволапыч». *Станислав Востоков*

Восток - «русский Даррелл сегодня», недавно встретилась мне фраза в обзоре одной из его книг. Далеко не во всех книгах Востокова главные герои — животные, но вот мягкий юмор, свойственный ему, и впрямь сродни даррелловскому. А с другой стороны, в его текстах отчетливо вычитывается и Коваль. Именно с такими интонациями — Коваля и Даррела, написана повесть «Криволапыч». Повествует она о приключениях еновидной собаки Криволапыча, животного с на редкость активной жизненной позицией. Отправившись на поиски лучшей жизни, Криволапыч оказывается в финском заповеднике, где заселяется в нору барсука Тойво (изрядно недовольно наглым мигрантом), встречает лиса-вегетарианца Вегана, который становится его другом и наказывает единственного отрицательного персонажа — браконьера и коммерсанта Яри Ярвинена. В итоге мучимый ностальгией и отвращением к вегетарианскому корму, Криволапыч возвращается на родину. Тесновато ему в Финляндии, слишком много правил.

Алексей Олейников

«Криволапыч». *Станислав Востоков*

Стаса Востокова уже многажды называли и ещё не раз назовут русским Даррелом и продолжателем традиций Коваля (правда, последнее скорее относится к его ранним сборникам о жизни подмосковной деревни). Востоков не изменяет себе и в новой повести: по-прежнему в центре внимания – природа, взаимодействие с ней человека, и в частности – с братьями нашими меньшими. Однако в «Криволапыче» эти самые братья живут уже самостоятельной жизнью, даже пользуются компьютерами, хотя с человеком дружат и вовсю помогают в научной деятельности: например, ведут наблюдения за миграцией птиц. Животное – «помощник», медведь, уже встречалось нам в повести «Фрося Коровина», но теперь звери – персонажи центральные, а люди – всего лишь эпизодические.

Конечно, читая историю енотовидной собаки, сбежавшей из родных мест в поисках лучшей жизни, тоже нельзя не вспомнить Коваля и его «Недопёска». Но Востоков, в отличие от Коваля, использует палитру более юмористическую, нежели лирическую. Криволапыч, в поисках рая для енотовидных добравшийся до самой Финляндии, обнаруживает несколько иную систему ценностей, и внезапно оказывается в положении простака, не имеющего хороших манер, не осведомлённого о новых веяниях (например, о вегетарианстве, которое практикует его финский родственник лис), и вообще, становится очевидно, что он, как говорят подростки, « глобально не в теме». В связи с этим неизбежно возникают комедийные элементы, которые украшают текст и органично связывают зарисовки природы, но автор решительно намечает и другие линии, ставя непростые вопросы: о допустимости вмешательства в чужую жизнь; о границах лояльности к другу; о реакции на соблазн; о доверии и коварстве. Можно сказать, что простоватый Криволапыч на своей шкуре испытывает искушения, сомнения, опасности (да, история местами перетекает в детективную!), которые подстерегают и подростков, впервые сталкивающихся с « большим миром». С выводами автор не спешит, предоставляя размышлять читателю.

Хорошая небанальная история для младших подростков, которым ещё интересно про «кошечек-собачек», но уже необходимо питать ум и сердце этическими вопросами

Наталья Савушкина

«Пролог»
Эдуард Веркин

Один из лучших текстов этого премиального сезона. Веркина я люблю и ценю, и потому читаю скупо — слишком прилипчив, слишком быстро его интонация становится моей собственной. Но для более устойчивого к веркинским эманациям читателя «Пролог», как и прочие тексты Веркина, несомненный подарок.

В нем рисуется мир, переживший катастрофу, откатившийся к темным временам одичания и варварства — куда-то в раннее средневековье, судя по уровню развития технологий, но если говорить точнее, это мир без течения времени, где все стоит на месте, год за годом.

Веркин мастерски смещает оптику, внедряя в обычную, казалось бы, глухую жизнь мистическое. И вот уже волки зарываются в землю, чтобы пережить зиму, в болотах воют ведьмы, в реке плавает чудовищных размеров сом, а изгонять его призывают грамотея. То есть писателя, роль которого сводится в этом мире к роли мелкого колдуна, заговаривающего зубную боль и налаживающего погоду.

И что характерно, зубы действительно проходят.

Миру надо пережить катастрофу, чтобы слово снова обрело силу. «Пролог» потому так и называется, что это только начало, писатель намерен развивать этот мир и лично я с большим интересом жду продолжения.

Алексей Олейников

«Пролог» и «Подросток Ашим»
Эдуард Веркин

Если честно, я разрываюсь между «Прологом» Эдуарда Веркина и повестью Илги Понорницкой «Подросток Ашим». «Пролог» захватывает погружением в особый мир, чуждый и одновременно узнаваемый. Веркин, как всегда, предлагает поразмышлять на сложные темы, бросая зерна сложных вопросов в почву, удобренную фантастическим содержанием. Эти зерна наверняка прорастут потом, во взрослой и сложной жизни нынешнего подростка. «Подросток Ашим» - необыкновенно жизненный текст, заставляющий сопереживать героям. Очень неожиданный вывод лично для меня – то, что взрослые, даже подступая к подростку с благими намерениями, не всегда его понимают. В период отрочества человек проходит через испытание тотальным одиночеством, и это, наверное, необходимо.

Елена Борода

«Кит плывет на север»
Анастасия Строкина

Текст Анастасии Строкиной «Кит плывет на север» попытка создания новой мифологии. Строкина придумала для алеутов новые сказки, положив в их основу национальный язык и мифы и легенды народов мира. Тут и скандинавское дерево Игдрасиль (дерево на острове, где находилась волшебная школа, в которой обучался зверек мамору) и римский «гений места», которым, по сути, и является главный герой, отважно плывущий на спине кита к острову Беринга.

Но опираясь на мировые мифы и легенды Строкина плетет свое особое полотно истории острова Беринга. Кому-то оно может показаться убедительным, кому-то нет.

Сам мир, придуманный Строкиной, очень добрый, дарящий надежду.

Как и положено сказке, повествование ведется неторопливо и лишено динамики. Нов тоже время сказки и легенды, придуманные Строкиной, позволяют задуматься о человечности, вере, надежде, добре и зле.

Маленький сказочный зверек мамору, подобно маленькому принцу Антуана де Сент-Экзюпери, «в ответе за тех, кого приручили». Он, как хранитель острова ответственен за него.

Ирина Лисова

«Кит плывет на север»
Анастасия Строкина

«Кит плывет на север» Анастасии Строкиной – талантливая и яркая сказка о поиске себя, о самоопределении, о том, как это важно – следовать зову сердца и верить снам, идти своей дорогой. Поэтичная и неспешная, будто древняя легенда, будто старинная деревенская песня с пятнадцатью куплетами, цепляющими друг за дружку. Автор применяет множество проверенных приемов. Тут и мифотворчество, и сказки в сказке, и идея пророчества, и афоризмы, вписанные в текст, их можно растаскивать на цитаты: «Иногда бывает здорово заново встретить друг друга», «когда никто нигде не ждет, то и деваться некуда», «пока звезда не загорится на небе, никто не знает, какой она будет – яркой или нет» и так далее. Может быть, поэтому этот текст – это как встреча со старым другом, которого давно не видел, но очень скучал. Выдуманный автором мир хранителей островов так плотно впаян в мир северных широт, что даже не возникает сомнения в достоверности всех этих будто бы фольклорных персонажей.

Подобно «Лавру Георгиевичу» кит с мамору на спине плывет от острова к острову, ищет свою землю обетованную. Вечный для мировой литературы мотив дороги и мотив обретения дома здесь вписан в выдуманный фольклор северной земли, и хоть автор и имеет ввиду конкретный остров, остров Беринга, но на самом деле остров, который нашел мамору Зеленого цвета, это остров вообще, остров как символ обетованной земли, за которую отвечаешь – ты сам.

И Коваль, и Строкина, и Туве Янсон в своей самой лиричной сказке «Папа и море», да и все мы, пожалуй, ищем свой остров. Хорошо бы, чтобы у каждого из нас был свой кит.

Тамара Михеева

Рудашевский Е. **Здравствуй, брат мой Бзоу!**

КомпасГид, 2015

Книга Евгения Рудашевского «Брат мой Бзоу» словно пропитана ностальгией: с такой нежностью автор перебирает все события, происходящие в маленькой деревушке в горах Абхазии, словно любуется давно утраченной родиной. Впрочем, события невеликие: зацвёл хмель; отправились на рыбалку; кормили шелкопряда. С восточной неторопливостью сообщаются эти сведения, перемежаются описаниями обычаев, и в этом неспешном течении текста есть своя прелесть: чувствуешь, что человек способен жить в гармонии с природой, проникаешься укладом, освящённым долгими годами.

И вот в такой неторопливый мир врывается событие: дельфин-афалина выброшен на берег. Живой дельфин. А про дельфинов разное говорят: один забивал их сотнями, другой уверен, что они ворюги, женщины просто предупреждают, что зверь опасен, и связываться с ним не стоит. Но как бы ни были сильны предрассудки, милосердие побеждает: юноша Амза с помощью брата помогает дельфину вернуться в море, и постепенно дельфин становится ему другом. Настолько близким, что уйдя в армию, Амза пишет «брату Бзоу» гораздо более развёрнутое письмо, чем матери. То ли душа юноши нашла общую волну со свободным жителем моря, то ли просто живые существа куда ближе друг к другу, чем кажется.

«Если б только он мог дышать так же редко, как Бзоу! Стать дельфином. Сложить руки плавниками, отбросить ноги, а вместо них отрастить хвост. И плавать с игривыми морскими братьями. Как и прежде, ловить рыбу, но никогда не покидать диковинный водный мир»

Надо упомянуть, что в 2013 году повесть стала победителем конкурса «Книгуру», где в жюри входят исключительно подростки. История о природе, да ещё и о наивной, чистой дружбе взрослого юноши и дельфина вдруг почему-то нашла живой отклик у «равнодушных» и «погрязших в гаджетах» современных тинейджеров. Даже особых перипетий на протяжении повествования в повести не найдёшь, а такой отклик. Книга драматичная, скрывать нечего: главного героя отправляют в Афганистан, а год на дворе – 1980-й. Но почему-то ни ровное течение жизни, ни трагедия смерти не отпугнули читателей. Значит, Рудашевскому удалось нащупать и обозначить весьма важные, вневременные темы, которые и в XXI веке способны всколыхнуть душу и заставить сопереживать.

Издательство позиционирует книгу как антивоенную, однако антивоенна она, скорее, в смысле противопоставления гармонии, которая возможна с природой, и человеческой ненависти. А ещё антивоенными можно назвать комментарии (впрочем, тоже авторские), где Рудашевский напрямую говорит о «правых и виноватых» и в Афганской войне, и в грузино-абхазском конфликте:

«Правда на стороне простых людей — тех, кого убивали, вне зависимости от того, грузины они или абхазы. У страдающего человека нет национальности. Неправ тот, кто стреляет первым. Никакие геополитические споры не могут оправдать смерть даже одного человека.»

Савушкина Наталья,
главный библиограф отдела
рекомендательной библиографии РДГБ

Следующий номер будет посвящен нашей современной детской книге за рубежом: переводы, контакты, успешные примеры продвижения авторов и иллюстраторов, успехи и проблемы русскоязычной детской литературы, ее сильные и слабые стороны – в глазах человека чужой культуры. И он последует скоро.